

МАРИЯ БЫКОВА, ЛАРИСА ТЕЛЯТНИКОВА

Путь к золотому дракону

Трилогия
в одном
томе

- Северный Тракт •
- Лестница миров •
- Дракон и зеркало •

Трилогия
в одном
томе

МАРИЯ БЫКОВА,
ЛАРИСА ТЕЛЯТНИКОВА

Путь к золотому
дракону

Москва, 2011

МАРИЯ БЫКОВА, ЛАРИСА ТЕЛЯТНИКОВА

Трилогия
в одном
томе

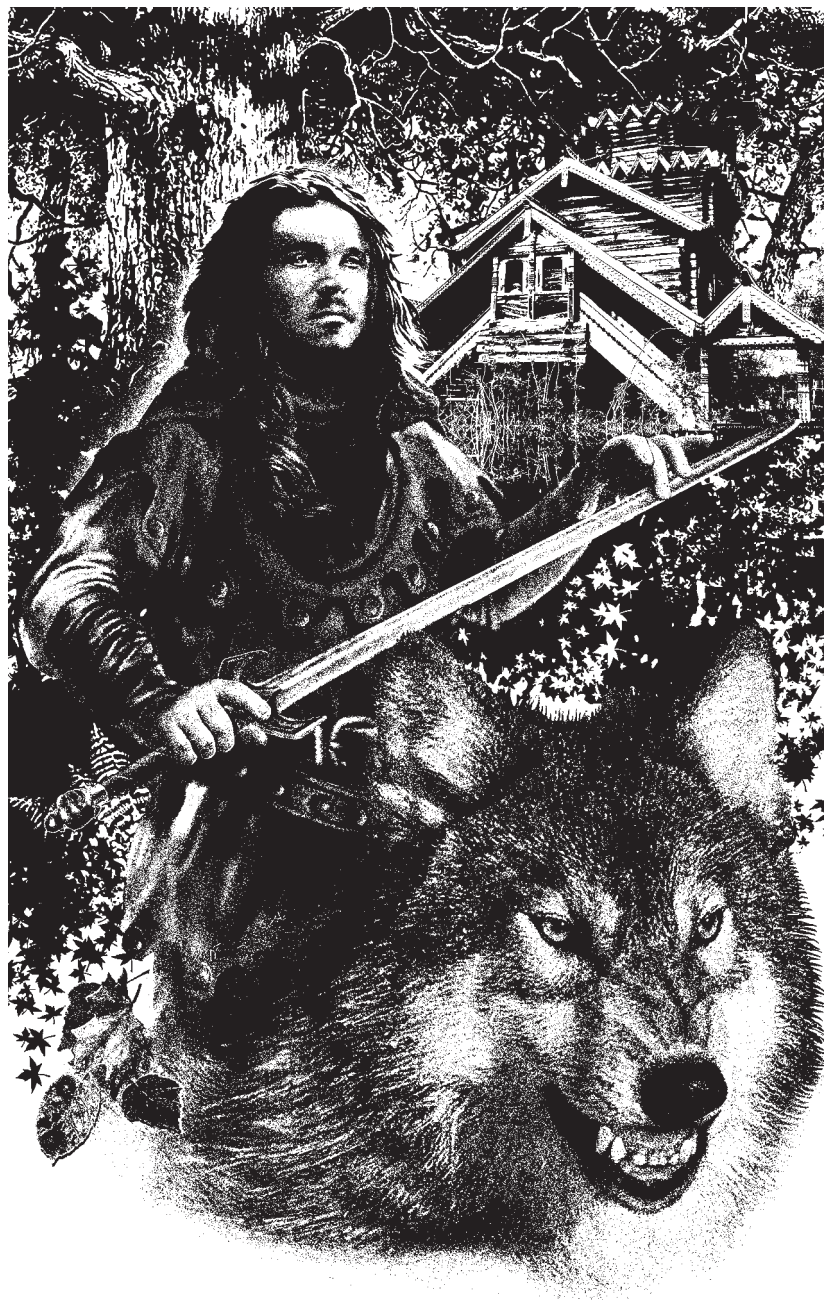
- Северный Тракт •
- Лестница миров •
- Дракон и зеркало •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий.
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Н. С. Гумилев

• Северный Тракт •

Все смешалось в доме Облонских.

Л. Н. Толстой

Это — прекрасный белый слон.

Г. Гейне

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой звучат восточные мотивы, появляются незваные гости и выясняется, что магистр Рихтер исчез как нельзя более кстати

1

В дальних пределах страны Каф, где солнечный жар превращает камень в песок, а горы — в равнины, где небо цветом подобно мечу, раскаленному добела, а каждый глоток воды ценится дороже золота, — в тех диких и странных краях, населенных, вне всякого сомнения, джиннами, джиннами и еще раз джиннами, живут все-таки и человеческие племена. Они дики, темны и воинственны; язык их резок, слова — короткие, а имена — длинные; но именно там из года в год рождаются самые сильные маги и самые зоркие предсказатели будущего.

Не без вмешательства джинов, разумеется.

Счастье тому правителю, при дворе которого живет такой человек! Кто еще углядит змею-опасность, коварно притаившуюся в завтра? Отразить удар, который еще не нанесен, различить врага, притворяющегося другом... принц Саид долго полагал, что на этом обязанности придворного мага заканчиваются.

Но наступил день Песка.

— Этой ночью звезда, под которой родился мой господин, окажется на острие копья. — Темное лицо старого чародея было бесстрастным, будто маска из черного дерева. — Всадник спешится, и Пес, погнавшись за Птицей, догонит Деву О Трех Мечах. Господин мой, еще до захода солнца вам откроется истина.

— Что за истина, звездочет?

Предсказатель пожал плечами.

— Мне это неведомо, — просто сказал он. — Пусть мой господин подождет: истина не уйдет от него, а до захода солнца осталось не так уж и много.

Саид ждал, и ждал терпеливо; под конец ему стало казаться, что он устроил на истину засаду, будто разбойник — на купеческий караван. Но все шло своим чередом. Вот небо стало золотым, вот его залило шафрановое сияние, вот свет почти угас, вытянувшись в бледную нитку у горизонта... звезды насмешливо мигали с небес, и в какой-то момент принц, почти разуверившийся в южном чародействе, забылся сном.

И случилось то, что было предсказано.

На границе яви и сна пред ним предстало видение. Оно было *истинно*, истинно и прекрасно. От него веяло сухим жаром, горячим ветром, налетающим из пустыни, оттуда — верил народ Саида — к людям приходит Судьба. На этот раз Судьба приняла облик девы, прекрасной, как небесная воительница, желанной, как вода в летний зной, недоступной, как... как...

Впрочем, почему это недоступной?

Очнувшись, принц долго смотрел в узорчатый потолок. Снова и снова перед ним проплывал ее силуэт. Предсказатель не ошибся и уж тем более не солгал — это была истина и это была любовь. Саид сразу понял, что найдет ее даже на краю света.

Ночь он провел без сна, а наутро призвал звездочета.

— Проси чего хочешь, — сказал принц, прогоняя прочь суеверный страх. — Проси чего хочешь, но скажи, где мне ее искать!

Звездочет спокойно поклонился, не отпуская посоха:

— Пусть мой господин опишет мне ту, что явилась к нему этой ночью.

— Ты знал? Ты знал, что я увижу...

— О нет. Но, глядя на моего господина, сложно не сделать выводов. Ученик! Открой ларец и достань два рубиновых стержня... Какова та перь, что похитила разум моего господина?

— Она прекрасна! — выпалил принц, мечась по залу. — Она подобна реке, струящейся с гор, — так же чиста, весела и невинна! Глаза ее серы, как сталь клинка, стан тонок, как пальма... — Тут он вдруг замолчал и неуверенно произнес: — Нет-нет, подожди-ка... Напротив, она женственна и изящна, как статуэтки из...

Маг приподнял бровь. Пока принц терзался, он успел посмотреть, что за видение явилось будущему властителю Каф, и пришел в некоторое изумление. Действительно, девушка как будто

двоилась — и в то же время была едина. Хм... рыжая, с порывистыми движениями и глазами как морская вода? Или все-таки темно-волосая, с губами как бутон розы, в ярких одеждах и позванивающих браслетах?

Принц расхаживал по комнате, мучительно описывая свой идеал. Маг чуть прищурился. Он был верен правящему дому и не желал зла будущему полноправному властителю этих земель. Звезды утверждали, что явившаяся во сне даст начало великой династии, а звезды не ошибаются и не путаются в грамматических формах. Речь шла об одной девушке. Так которая принесет счастье этой земле?

Воспоминания принца, весьма художественные, пускай и сумбурные, были записаны на первый стержень. Подсмотренное видение чародей записал на второй. И долго думал, водя над стержнями рукой, — какая же? Какая?

Он был уверен, что нашел правильный ответ. И через два часа его ученик внес в покои принца большой портрет, с которого смотрела сероглазая девушка. Она была воистину прекрасна, если не принимать во внимание неподобающе короткие волосы. Но даже это было не в силах испортить ее красоты!

Так сказал принц, и никто не стал с ним спорить: безумцев во дворце не встречалось. Да и потом, волосы не ноги, отрастут.

— Она прекрасна, — сказал Саид; не отрываясь, он смотрел на портрет, пока двор в спешном порядке собирал вещи в дорогу. — Она из благородного рода, мой друг! — К кому он обращался, никто не понял, но на всякий случай все покивали. — Без сомнения, она одарена всеми талантами. Ум и благородство запечатлены на ее прекрасном лице. Очертания фигуры радуют глаз приятностью форм... — Тут принц сделал некие волнообразные движения руками, но вдруг сообразил, что ведет себя, как подобает влюбленному, но никак не без пяти минут королю. — Мы желаем знать, где находится наша избранница! И все ли готово, чтобы мы могли нанести ей визит?

Это был самый главный и самый больной вопрос. Готово-то было уже почти все: белый слон, сотня скакунов, носилки с занавесями из тончайшего алого шелка, слуги поспешно укладывали в сундуки платья, покрывала и благовония. В сокровищнице короля были отобраны самые изысканные украшения, достойные того, чтобы Саид мог преподнести их своей возлюбленной... нет, не в качестве свадебного подарка, но в знак своего глубочайшего к ней

уважения. Ибо, как сказал поэт: «Нет лучшего друга у прелестницы, чем благородные мерцающие камни!»

— Мы выезжаем сегодня же!

Принц готов был отправиться в путь немедленно, оставалось лишь узнать — куда именно. Не бывало еще такого, чтобы приказы властителя земли Каф не исполнялись в кратчайшие сроки. Но северный маг-ковенец, специалист по телепортам, еще не закончил высчитывать координаты, мысленно ругая и себя, и того, кто отвечал за распределение молодых специалистов, одним из которых он когда-то был. Платили здесь отлично, работа была непыльная, но интересная, однако магу совсем не улыбалось проектировать телепорт, когда владыка здешних земель, потеряв голову от любви, бегаёт вокруг с обнаженной саблей.

— Мой господин, мне нужно еще совсем немного времени! Это ведь необычный телепорт, он создается для торжественного случая, и я не могу ударить в грязь лицом перед той, чья неземная красота...

Насчет неземной красоты маг угадал очень верно — принц Саид прищурился, быстро обдумывая ситуацию.

— Ладно! — вынес он наконец свой вердикт. — Мы даем тебе время до того, как солнце коснется земли. Или тебе не придется увидеть, как оно встанет над этой землей!

Отчего-то маг, обучавшийся помимо прочего и боевым чарам, несколько не усомнился, что так оно и будет. Дальнейшая работа потекла очень быстро и результативно.

Солнце клонилось к закату, когда к изнывавшему от любви Саиду, оттолкнув слуг с подносами, почти вбежал сияющий ковенец.

— Господин!..

— Ты нашел ее? Ты сделал все, как должно? Значит, мы можем отправляться в путь!

И тогда вдруг заговорил предсказатель. Никто не слышал, когда он успел подойти, и это было странно: звездочет был очень стар, при ходьбе он пользовался посохом, а когда спешил, дыхание его делалось тяжелым и шумным.

— Не торопитесь, государь, — сказал он, впервые обращаясь к принцу полным титулом. — Звезды говорят, что сегодня ночью не следует предпринимать путешествий и принимать важных решений, ибо одно уже принято, и оно слишком велико. Во имя той,

которую вам подарила судьба, молю вас: прислушайтесь к моим словам!

Повисло тяжелое молчание. Предсказателю доверяли. Принц смотрел то на него, то на портрет, и было видно, что его буквально разрывает на части. Однако не зря говорили, что главное, чем отличаются правители земли Каф, — это умение принимать неожиданные решения.

— Хорошо, — заявил Саид. — Мы выезжаем утром. Да будет так! Он помолчал и добавил:

— А если за это время кто-то успеет попросить руки нашей возлюбленной, никто не помешает нам убить негодяя, осмелившегося похитить звезду наших очей!

2

Ранним утром двадцать первого изока к запертым воротам Межинградской Академии Магических Искусств приблизился человек на редкость неприметной наружности, одетый в длинный серый плащ. Ночью прошел настоящий ливень, а состояние мостовой перед Главными воротами всегда оставляло желать лучшего, — так что путь неприметного визитера представлял собой причудливую кривую, отрезки которой соединяли между собой относительно сухие островки. Прислушавшись, можно было разобрать, как он что-то бормочет себе под нос, через слово повторяя «мрыс дерр гаст!». Ничего не поделаешь: последнему двоечнику известно, что перед воротами нет места никаким посторонним чарам. В том числе левитационным и высушивающим.

Несолидно перепрыгнув через широкую лужу, отделявшую последний островок от каменного порога, незнакомец в сером плаще приложил ладонь к мокрой створке. Ворота, чуть помедлив, открылись, и маг — а кем же еще мог он быть? — зашел внутрь.

Первым, кого он увидел во дворе, был гном-завхоз: скрестив руки на груди и воинственно выставив бороду, тот сурово наблюдал за двумя адептами, разрыхлявшими участок под будущую клумбу. Адепты — светловолосые эльфы, похожие друг на друга как две капли воды, — работали слаженно, но довольно уныло, пе-

риодически бросая тоскливые взгляды на студенческий корпус. Левый эльф постоянно зевал, прикрывая рот плечом.

— Доброе утро, — официальным тоном поздоровался маг, подходя ближе. — Магистр... э-э...

— Утро доброе, — ворчливо согласился завхоз. Едва он повернулся к гостю, выпустив адептов из поля зрения, как те тут же бросили работать и застыли в одинаковых позах, опираясь на вертикально установленные грабли. — Чего это вам тут надо?

Маг не торопясь отвернул край воротника и продемонстрировал гному стальную бляху, нашитую с внутренней стороны.

— Управление внутреннего контроля КОВЕНА, магистр Цвирт. Где я могу найти директора Буковца?

...Будучи дипломированным эмпатом с весьма приличным стажем, Ирий Буковец чувствовал неприятности заблаговременно. На сей раз, однако, он пребывал в полнейшем недоумении. С одной стороны, в ближайшем будущем действительно маячили неприятности, причем весьма и весьма серьезные — они превосходили максимальное значение шкалы Ктесия-Кэктона, что прежде считалось по определению невозможным. Но что характерно, особенного беспокойства на их счет директор не ощущал — потому что указанные неприятности очень быстро перекрывались неожиданно появившимися хлопотами. Приятными хлопотами, как ни странно. Это невероятное сочетание сбивало Ирия Буковца с толку, ибо весь его предыдущий директорский опыт авторитетно утверждал, что хлопоты приятными не бывают — опять-таки по определению.

Ранним утром двадцать первого изока — совсем ранним, где-то часам к пяти — эта странная смесь двух предчувствий достигла апогея. Директор делал все, что было в его силах, чтобы немного успокоиться. Сначала он сидел за столом, перекладывая папки и свитки, переставляя чернильницы, песочные часы и прочие мелкие предметы. В итоге стол засиял просто неземным порядком. Но этого оказалось недостаточно. Тогда магистр Буковец принялся за ящики стола. Их ревизия дала вполне ощутимые результаты: магистр нашел многое из того, что считал безвозвратно утраченным, и выбросил целую кучу хлама, но, вопреки ожиданиям, успокоения это не принесло.

Буковец покормил ворона, полил пальму в кадке, еще раз покормил ворона и тщательно протер каждый листочек пальмы специальной тряпочкой. После этого он перебрал все книги в шкафу, поставил их в новом порядке и попытался покормить ворона в третий раз, но умное животное посмотрело на хозяина как-то нехорошо. Очевидно, оно собиралось присутствовать на своем пятидесятилетнем юбилее, не прибегая к помощи магистра Дэнн.

Словом, магистр Буковец был вконец измучен неопределенностью. Вцепившись в подоконник, он тоскливо созерцал внутренний двор и всерьез подумывал, не прибратся ли там. Останавливал его только страх перед завхозом: тот, как и все гномы, не терпел посягательств на свою территорию. Потому, когда на пороге директорского кабинета серой тенью возник ковенский магистр, несчастный Буковец не испытал ничего, кроме искренней радости и облегчения. Кем бы ни был неожиданный гость, он нес в себе хоть какой-то ключ к разгадке.

Магистр Цвирт — так представился ковенец — тоже изучал эмпатию, а Буковец не счел необходимым скрывать свои чувства. Оттого, видимо, Цвирт и казался сбитым с толку: радость не относилась к типичным реакциям на его появление. Директор пылко поприветствовал ковенца, подхватив под руку, самолично провел и усадил в левое кресло для посетителей, сам же встал, опершись о спинку кресла напротив. По-хорошему надлежало занять кресло за собственным столом, но усидеть на одном месте было выше его сил. Стоять худо-бедно еще получалось.

— Магистр Буковец, — вкрадчиво начал Цвирт, едва ли не с любовью рассматривая собеседника. Примерно так же нежно смотрит на заблудившегося путника не слишком голодный мантитор, прикидывая, с какой стороны можно начинать его есть. Увы, директор не желал становиться чьим-либо завтраком. Конечно, должность его была и опасна, и трудна, но оставлять Академию без присмотра в обозримом будущем он не собирался. — КОВЕНУ в моем лице срочно требуется... э-э... консультация магистра... э-э... Рихтера. Скажем так, возникла некая ситуация, для разрешения которой необходимо прибегнуть к его помощи.

— Опять? — вырвалось у директора. Он еще не забыл зимнего прецедента с войной в Западных Землях. — А учебный процесс? Кто будет отвечать за качество обучения студентов — вы, магистр Цвирт?

Ковенец торопливо выставил ладони в защитном жесте.

— Нет-нет, это совсем не то, что в прошлый раз! Я всего лишь хотел бы... *побеседовать* с коллегой Рихтером. Клянусь, это не отнимет много времени!

Ворон насмешливо каркнул, косясь на Цвирта антрацитово-черным глазом.

Повисла нехорошая тишина. И, наверное, именно поэтому так отчетливо прозвучал скрип открываемой двери. Оба магистра развернулись на звук: Цвирт от неожиданности, Буковец же скорее из удивления. В отличие от ковенца он прекрасно знал, что эта дверь скрипеть не могла — хотя бы потому, что в ней не было петель. В этой двери вообще много чего не было: не было петель, не было замка, не было ручки. Было только дверное полотно и косяк. Впрочем, элементарли хватало и этого минимума.

Но, взглянув на свою неожиданную посетительницу, Буковец понял: скрип не был галлюцинацией. На пороге стояла магистр Шэнди Дэнн, и не нужно было быть эмпатом экстра-класса, чтобы понять, что некромантка находится в отвратительном настроении. И не элементарли было с ней спорить. Мистрис хочет, чтобы было слышно, как она заходит? Ей не нужно даже формулировать своего желания, все равно оно будет исполнено незамедлительно. Жить-то ведь хочется всем, даже элементарлям!..

А если бы флуктуация пожелала предупредить этим скрипом патрона против воли Белой Дамы — сейчас бы там не было ни двери, ни элементарли. Так что, как говорится, без вариантов.

— Кто-то упоминал имя коллеги Рихтера? — негромко осведомилась некромантка, закрывая за собой дверь.

Ее взгляд поочередно задержался на непосредственном руководителе, притихшем вороне — тот от греха подальше спрятал голову под крыло, изображая крепкий здоровый сон, — и наконец остановился на магистре Цвирте. Магистр явственно поежился: еще бы, даже пальма постаралась сложить листья покомпактнее, дабы занимать меньше места в пространстве. А на нее, заметим, взгляд магистра Дэнн не упал!

Четко постукивая каблуками, Белая Дама пересекла кабинет, уселась в правое кресло, заложила ногу за ногу и расправила складки на белоснежной юбке. Магистр Буковец помаячил у нее за плечом на манер ангела, после чего все же переместился на свое законное место.

— Итак, — с до боли знакомыми ласковыми интонациями спросила магистр Дэнн, — для чего это службе собственной безопасности...

— И внутреннего контроля! — по привычке добавил ковенец.

Некромантка легко постучала пальцами по столу, и Цвирт тут же смолк, подавившись последним словом. Шэнди же Дэнн продолжила, будто ее и не перебивали:

— ...потребовалось видеть коллегу Рихтера? Возможно, моя квалификация окажется достаточной, чтобы дать все необходимые консультации?

Против воли директор посочувствовал невезучему Цвирту.

— Видите ли, — осторожно заговорил тот, не отвечая ни «да», ни «нет». — Суть проблемы такова: прошлой ночью из ковенской тюрьмы исчез... хм... *постоялец*. Единственное сообщение камеры с внешним миром — это дверь, которая открывается вовнутрь. Взломать ее невозможно, потому что... — Тут он замялся и аккуратно сформулировал: — Словом, я ручаюсь, что этого сделать нельзя. Более того, через дверь постоялец камеры не покидал.

Некромантка хмыкнула.

— Так в чем же проблема? — осведомилась она. — Магическая аура строго индивидуальна, и КОВЕНу с его возможностями легче легкого выяснить, где именно находится сбежавший маг. Хотя, конечно, я вас понимаю. Очень интересно, каким образом ему удалось это сделать.

Ковенец замялся повторно:

— Понимаете... постоялец не был магом. Он был... э-э, как бы сказать по-лыкоморски... словом, он был и остается волкодлаком.

Стало совсем тихо. Чуть наклонив голову, Шэнди Дэнн пристально рассматривала собеседника.

— Вы что, с ума сошли? — вежливо спросила она минуту спустя. — Если я вас правильно понимаю, вы заключили в магическую тюрьму существо, не имеющее ни капли магического таланта. Хуже того, не подлежащее юрисдикции Лыкоморья и находящееся в подданстве Серого Конунгата! Вы хоть понимаете, что вы натворили? Никакому КОВЕНу не выстоять против золотого дракона, тем более когда он находится в своем праве!

В этот момент Ирий Буковец отчетливо понял, как конкретно выглядят ожидаемые им неприятности. Он почти въяве увидел, как разъяренный дракон доковыривает лапой то небольшое, что

осталось от развалин Академии Магических Искусств. Директор затосковал еще больше, и не он один.

— Я не имею права разглашать секретные сведения! — пискнул припертый к стене, но еще не сдавшийся Цвирт. — Это был вопрос государственного значения!

— Интересно... А конунг Валери об этом знает? Хотя о чем я говорю? Дракон на то и дракон, чтобы знать все обо всем...

Пальма сотрясалась мелкой дрожью. Шэнди Дэнн смахнула с рукава несуществующую пылинку и поправила шелковый шарф, перекинутый через плечо.

— Так, значит, вы пришли, чтобы обсудить с магистром Рихтером детали торжественного приема конунга Арры? — мягко поинтересовалась она.

Чувствовалось, что Цвирт изо всех сил борется с возрастающим ужасом, но Буковец недооценил его силы. Ковенец все же нашел в себе достаточно мужества, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Дело в том... — Он прочистил горло. — Дело в том, многоуважаемая коллега, что нам крайне важно узнать, для чего магистру Рихтеру потребовалось заходить на территорию тюрьмы этой ночью в такой неурочный час. Далее. Как он зашел, было зафиксировано, как вышел — нет.

А вот это уже серьезно. Ни одно существо не может перемещаться бесследно — даже телепорт оставляет свои следы, причем всегда строго индивидуальные.

— Спустя некоторое время магистр Рихтер возникает из ниоткуда невдалеке от здания тюрьмы, где успешно строит телепорт. Мы проследили направление телепорта... — («Приблизительное», — хором подумали магистры Дэнн и Буковец, отлично знавшие способности коллеги Рихтера.) — ...хоть это и потребовало вмешательства особой комиссии. Но не это самое интересное. Интересно другое: по достижении конечной точки телепорта — заметим, удачном достижении — магистр Рихтер исчезает из мира живых. При этом достоверно известно, что он не умер, равно как и не переместился в другой мир. То есть получается, что он есть — и в то же время его нет.

Магистр Буковец постучал пальцами по столу. Теперь становилось понятно, почему Рихтером интересовался КОВЕН, — прецедент был весьма необычен. Директор назвал бы его уникальным, если бы две недели назад точно такой же финт не проделали

четверо адептов. Из которых трое были студентами боевого факультета.

Кажется, Белая Дама подумала о том же. Никем не останавливаемый Цвирт тем временем продолжал:

— Если учесть, что той же ночью из камеры исчез постоялец — а камера имеет только одну общую с нашим миром точку, то есть дверь, — загадочные перемещения господина Рихтера становятся вдвойне интересными. А если учесть еще и тот факт, что телепорт строился на троих... ну, в общем, вы сами понимаете. — Тут он замолчал, со вполне объяснимым опасением глядя на магистра Дэнн. — Короче говоря, я хотел бы видеть магистра Рихтера только потому, что он единственный, кто может помочь нам распутать эту головоломку.

— Я так понимаю, в этой уникальной камере сейчас гостит новый постоялец? — небрежно осведомилась Шэнди Дэнн, поглаживая подбородок. — Тот, который раньше отвечал за надежность этой самой тюрьмы?

Цвирт судорожно сглотнул — как успел *прочесть* Буковец, так оно и было, — но ответить ничего не успел. За окном раздались какие-то трубные звуки; директор обернулся было посмотреть, но тут в коридоре послышался совершенно неуместный топот, дверь распахнулась настежь, и в кабинет влетел скороход самой что ни на есть экзотической наружности.

— О светоч мудрости и опора добродетели! — с порога возвестил он, вздымая руки к небесам. — Я принес тебе самую радостную из всех радостных вестей: мой господин, владыка земли Каф, чьи богатства бесчисленны, как песчинки на дне океана, в своем несказанном величии почтил твой достойный дом, и через некоторое время ты будешь иметь счастье узреть царственный лик!

Скороход перевел дыхание, а магистры переглянулись, но в этот момент за дверью вновь послышался топот, и в кабинете стало несколько тесновато.

— Гонец от князя! — бодро сообщил юноша приятной наружности в заляпанных сапогах, протягивая Буковцу несколько помятый свиток. Подумав, он уточнил: — От князя Побегайло. Князь спешит сообщить, что в столицу, а точнее — в вашу Академию, вот-вот пожалует с неожиданным визитом принц Саид.

Князя Побегайло знали все — трудно не знать человека, возглавляющего Тайный Приказ. Директор быстро глянул на некро-

мантку, одним движением развернул свиток, но прочесть ничего не успел. За стеной Академии раздался рев, которому вторили медные трубы.

Выглянув за окно, директор узрел, как по спешно расстеленным в грязь узорчатым красным коврам во двор Академии царственно вступил кафский принц. Позади него в воротах маячил белый слон.

Буковец медленно сполз по спинке кресла.

3

Полин де Трийе снился кошмарный сон. Ей снилась соседка по комнате, из последних сил удерживающая в руках «Справочник боевого мага». Окаянная книга трепыхалась, вырывалась, щерила невесть откуда взявшиеся зубы и тянулась к несчастной алхимичке длинными когтистыми лапами. В какой-то момент Яльга демонически расхохоталась, отбросила «Справочник» в дальний угол, подскочила к Полин и начала трясти ее за плечо, приговаривая:

— Полин! Полин! Вторая хозяйка, а ну вставай немедленно!

«Абзац! — подумала во сне Полин, трепыхаясь не хуже «Справочника». — Никогда больше не буду есть после шести часов!»

Еда всегда помогала Полин с честью выходить из сложных ситуаций. Девушка вспомнила, что голодна, и проснулась. Перед ней полупрозрачным облачком висела элементаль, состоявшая, кажется, только из испуганных глаз и длинной ложноножки.

— Вставай давай! — потребовала флуктуация, отдергивая ложноножку. — Тут это... ой, мама, что творится! Буковец в истерике, Белая Дама аж кусается, по всей Академии ковенцы бегают!

Полин приподняла голову, поуютнее заворачиваясь в одеяло.

— Ну и что? — сонным голосом спросила она. В комнате было пусто, Яльгина кровать стояла заправленная, и на колючем казенном пледе валялось несколько свитков. — Яльга что, уже ушла, да?

— Принц приехал, — замогильным голосом возвестила элементаль.

Сперва Полин не поняла, о чем речь. Потом она зевнула и откинула одеяло, вспоминая, осталось ли в большой банке еще хоть немного джема.

— Ну и что! — повторила она, застегивая брюки. — В Академию-то зачем? К царю бы отправился или куда там еще...

Алхимичка хорошо знала жизнь и не особенно доверяла любовным романам. То есть... ну доверяла, конечно же, только ведь каждой известно, что принцев на всех не хватает. И вообще обыкновенный среднестатистический принц — зануднейшее существо лет под сорок, разговаривающее только про политику и экономику. И зачем оно нам надо?

Особенно если на другом факультете учится наследный герцог Ривендейл. Заметим, молодой, красивый и далеко не дурак!

— Ты не поняла, — еще замогильнее сказала флуктуация. Развернувшись, она ткнула ложноножкой в портрет. — Этот! Принц! Твой который, мрыс дерр гаст! С купидончиками!

Полин, которая в этот момент крутилась перед зеркалом, выронила расческу. В груди у нее что-то екнуло и забилось быстро-быстро. Нарисованный принц страстно взирал с портрета, намекая, что в жизни он даже лучше. А любить будет и вовсе до гроба.

В голове у нее мигом пронеслось несколько мыслей. «Этого не может быть!» — «Этого быть не может!» — «Зачем он сюда приехал?» — «Как он узнал, что я...» — «АЛХИМИЧКИ!» Если уж Яльга сообразила, что следует поторопиться, то все остальные девицы и подавно! Ну нет, это мой принц, никому его не отдам! А Яльга пускай себе другого нарисует!

— Вторая хозяйка, тебе, может, помочь чем?

— Есть хочу, — не оборачиваясь, ответила Полин. — Ну кафию хоть сделай.

— Я мигом! Я шас! Я уже совсем почти туточки!

Теперь нужно было решить, в чем отправляться на бал... ну, в смысле, к принцу. Как назло, надеть было нечего. Полин кинулась к шкафу, распахнула дверцы и быстро принялась перебирать наряды. Так. Это чересчур нарядное — еще подумает, что я за ним бегаю. Это слишком строгое — мне еще не тридцать лет. Может, лучше эту юбочку? Здесь такой миленький воланчик, да и ноги подчеркивает... Полин еще раз взглянула на портрет и со вздохом решила: нет, это его только испугнет. Юбку было решено оставить на потом.

Как всегда в критические моменты, Полин думала и действовала очень быстро. Она приняла невероятно оригинальное решение — остаться в том, в чем была. Длинные свободные брюки покроя «шальвары», изящно присобранные у щиколотки, из мягко-

го струящегося материала, как нельзя лучше подчеркивали тонкую талию Полин и не менее замечательно скрывали несколько лишних миллиметров, появившихся из-за неумеренной любви к лимонному пирогу. Алхимичка расправила несуществующую складочку на кофточке, подумав, застегнула третью сверху пуговку и достала с полки шкатулку с украшениями. Так... эти браслеты, серьги с подвесками, может быть, блестяшку? — нет, блестяшка будет лишней. Пусть он поймет, что ему нужно что-нибудь ей подарить.

Полин заканчивала красить ресницы, когда материализовавшаяся флуктуация со стуком поставила на столик поднос. Оттуда пахло кафием, причем далеко не тем, какой хранился в банке у алхимички. О таком кафии она слышала, но пить его ей ни разу не доводилось. Вот ведь в столовой как подсуетились, едва узнали, что к ней принц приезжает! Кафий даже приличный нашли!

Помимо кафия на подносе имелась тарелочка с бутербродами.

— Такой принц, такой принц! — восхищенно шептала элементарь, пока Полин прихлебывала обжигающий кафий. — Высокий, красивый, а сабля-то, сабля какая! Ух, не сабля — мечта! А слон какой... ты его еще увидишь, белый-белый!

Поспешно жуя бутерброд, Полин в красках представила, как принц увозит ее в закат на белом слоне.

— Он сейчас в актовом зале, там все магистры собралась. Тебя ждут. Так что ты того, вторая хозяйка, кушай спокойно, без тебя не начнут! Может, еще бутербродиков принести?

Алхимичка молча помотала головой. Бутербродики были восхитительны, но стоило знать меру.

— Откуда такой кафий? — спросила она, когда в чашке осталось каких-то два глотка.

Элементарь пошла разноцветными волнами.

— Ну как тебе сказать... — смутилась она. — Чего ты не знаешь, за то и отвечать не придется...

Почуввав неладное, Полин напряглась, но вернуть кафий назад было уже невозможно.

— Откуда, я тебя спрашиваю?

— А чего! — взъерошилась флуктуация. — Поди, не каждый день принцы в Академию приезжают! Да и потом, у Рихтера там еще много осталось, он и не заметит...

Полин поперхнулась последним глотком, и с минуту ее заботило лишь то, как не забрызгать кофточку.

— Ну все, вторая хозяйка! Покушала? Вот и ладненько! А теперь и делом заняться можно. А то куда это годно — столько людей тебя ждут!

Девушке было что сказать на этот счет, но она сдержалась. Быстро подкрасив губы, она кинула последний взгляд в зеркало. Очень удачно, что вчера вечером она нанесла на волосы эту эльфийскую масочку. За ночь они неплохо отросли, красивыми волнами ниспадающая почти до лопаток. Ну, не до талии, конечно, так дайте срок...

Полин сглотнула, подмигнула своему отражению и храбро отправилась навстречу своему будущему. Каким бы оно ни было.

А алхимички пускай ищут себе другого принца.

4

Дверь в актовй зал нынче охранялась: по обеим ее сторонам стояли два борайкоса самого угрожающего вида. Бритые налысо, голые по пояс, каждый — с двумя кривыми мечами, стражники были похожи друг на друга как близнецы, а вообще-то больше всего напоминали ифритов из учебников по демонологии. Полин не то чтобы напугалась, но как-то напряглась, однако ифриты, едва завидев ее, подтянулись и заулыбались одинаковыми зверскими улыбками. Правый чуть поигрывал мышцами, левый распахнул перед девушкой тяжелую дверь.

Вздернув носик, Полин прошествовала внутрь. Подумаешь, тоже мне! Да нас после Белой Дамы уже ничем не испугаешь!

Актового зала было не узнать. Из него исчезли все стулья, сцена тоже как-то сгладилась, и Полин почувствовала себя мышью на царском обеденном столе. Между стенами бродило робкое эхо, приглушенное роскошным алым ковром. Ноги глубоко утопали в мягком ворсе. Полин порадовалась, что надела туфли без каблука.

Чуть поодаль, у окна, стояли стулья — там сидел преподавательский состав, а весь или не весь, сказать было трудно. Полин заметила белую кофточку Шэнди Дэнн и поймала серьезный взгляд своего декана. Почему-то она сразу почувствовала себя еще увереннее. «Боевой факультет, боевой факультет»... Да что такое их Рихтер рядом с госпожой Ламмерлэйк!

Но сейчас не время думать о преподавателях — из дальнего конца зала, едва ли не молитвенно простирая руки, к ней шел тот,

о ком Полин мечтала столько бессонных ночей. Даже издали было видно, что портрет не солгал ни на пядь. Все было на месте — и рост, и стать, и лицо, и сабля (впрочем, Полин была не Яльга, сабли ее не интересовали). Дополнял картину синий плащ, небрежно переброшенный через плечо. Вот его на портрете не было, ну и что? Принцу он все равно здорово шел.

Принц приблизился к ней, и стало ясно, что вблизи он ничуть не хуже, чем издали. В глазах его пылал неземной восторг вперемешку с такой же неземной страстью; в одно мгновение Полин подхватили под руку и усадили в удобнейшее кресло, стоявшее на особом возвышении и отчего-то сильно напоминавшее трон. Девушка нервно покосилась на магистра Ламмерлэйк. Та смотрела весьма сурово, сильно напоминая отсутствующего Рихтера.

— О дарованная небом звезда наших очей! — разливался принц таким южным соловьем.

По-лыкоморски он говорил вполне сносно, хотя и с заметным акцентом. Акцент Полин могла ему простить, насчет звезды — это она одобрила, а вот все остальное как-то насторожило. «Дарованная»? Это еще что? Кем это еще дарованная? Полин мигом построила цепочку: дарованная — полученная даром — уцененная. Интересненько...

Неплохо было бы сразу прояснить этот вопрос, но принц смотрел на девушку таким влюбленным взглядом, что Полин невольно смягчилась. На нее никто еще так не смотрел, исключая Ривендейла, — но это было во сне и потому не считается. Ладно... послушаем, что он говорит дальше. Как там его зовут? Саид?

Имя Полин понравилось — красивое, да и запомнить легко. Принц тем временем излагал свою историю любви — краткую, судя по датам, однако весьма насыщенную. С риторикой у него было хорошо, конструкции получались весьма цветистые, а в какой-то момент его южное высочество щелкнул пальцами, дверь распахнулась и началась форменная фантазмагория.

Заиграла музыка, одновременно тягучая и ритмичная. В дверь один за другим стали входить слуги, и у каждого в руках был то футляр, то сундук. Перед Полин из ниоткуда возник огромный стол; слуга доходил до стола, опускал туда свою ношу и откидывал крышку, демонстрируя содержимое. Как правило, содержимое было золотым, но позже Полин смутно припомнила какую-то серебряную диадему. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты... сап-

фиры, кораллы, рубины, яшма... казалось, что все это происходит во сне, причем сон ей нравился с каждой минутой все меньше. Наконец поток футляров иссяк, и Полин облегченно вздохнула. Наверное, он хочет, чтобы она поняла, как он богат и щедр, и предложит ей выбрать себе что-нибудь на память. Хотя сама она не могла представить, что из этого всего наименее ценно.

Но тут в зал внесли еще один сундук.

Саид самолично откинул крышку и достал оттуда длинную, до пола шубку из легкого меха знаменитого шоколадного оттенка. «Белкобль», — мгновенно поняла Полин. Даже у царицы нет такой шубы... Мгновением раньше девушка была уверена, что ничто не сможет ее изумить, но сейчас она молча смотрела на шубку, и перед глазами стояли строчки из учебника. «Белкобль... редчайший зверь... водится в эльфийских лесах... добыть его практически невозможно...»

Принц что-то говорил, и усилием воли Полин вслушалась в его речь — не отрывая, правда, замороженного взгляда от шубки. Так... А вот говорил он весьма интересно.

— Прими, солнце очей наших! — Принц страстно сиял пресловутыми очами и саблей. — Ты — бриллиант в нашей короне, и мы оправим тебя в золото, как подобает! О избранница наша, украшение нашего дворца, ты родишь нам сыновей, отважных и мудрых, как их отец, и дочерей, прекрасных и кротких, как ты сама! Мы станем называть тебя «Жади», что значит — желанная...

И тут Полин не выдержала. В какой-то момент она поняла, что задыхается, и медленно встала с кресла.

Значит, он уже все решил?! Она, значит, звезда его очей, солнце его короны, украшение дворца и брильянт гарема! Подаренная судьбой, надо же! Детей она ему родит! А ее он спросил, чего она хочет?!

Ишь ты, приехал, деньгами сорит, думает, она слаще морковки ничего не едала! Или у нее золота нет?! Или у нее шубы нет — пускай и не из белкоблей?!

Не на такую напал!

Короче, Полин, которая никогда не лезла за словом в карман, уже открыла рот, готовая высказать принцу все, что она о нем думает. Но в последний момент она встретилась взглядом с магистром Ламмерлэйк.

Слова брались из ниоткуда, сами собой складываясь в изящные, дипломатически выверенные фразы:

— Ваше высочество, я благодарю вас за оказанную мне честь, но я не могу принять ваших подарков. Порядочная девушка никогда не примет от малознакомого мужчины таких дорогих вещей, это неприлично. А теперь я прошу прощения, но мне нужно удалиться, чтобы приступить к занятиям.

Она развернулась, мимоходом пожалев о том, что не надела туфель на шпильках — ах, как красиво можно было бы развернуться на каблуках! Хотя ковер, ковер!.. — и с достоинством покинула зал. Принц, на которого она кинула ледяной взгляд, остался стоять с вытаращенными глазами, как тот белкобль.

Знай наших!

5

На принца было жалко смотреть. Он стоял, комкая в руках драгоценную шубу... какое там драгоценную — шуба была практически бесценна! — и неотрывно смотрел на дверь, за которой безвозвратно скрылась та, что составляла счастье и смысл всей его дальнейшей жизни. До этого момента он полагал, что знает о женщинах все. Женщины — существа нежные, кроткие, избалованные; при умелом с ними обращении они выполняют все, чего хочет их повелитель.

Но эта...

Ее нельзя просто взять и закатать в ковер, закинуть на спину коню и увезти, как это делали его предки. Это он и до того хорошо понимал. Да, она, конечно, другая, но разве он сделал что-то не так? Чем он оскорбил ее? Возможно, он подарил ей слишком мало золота? Разумеется, он должен был объяснить, что это лишь малая часть того, что он преподнесет ей перед свадьбой...

А еще... о глупец, он же не подарил ей белой кобылицы с вызолоченными копытами!

Тут принц встретился взглядом с женщиной, сидевшей ближе всех к креслу ненаглядной пери, похитившей навсегда его несчастное разбитое сердце. И еще раз обозвал себя глупцом. Вот та, кто знает все ответы на терзающие его вопросы! Кто как не она, вторая мать его ненаглядной, несравненной, прекрасной Жади, скажет ему, как он должен поступить?!

Вторая мать его пери — Эл-Вира, прекрасное имя, хотя и трудно выговорить, но он постарается! — с первого же взгляда произ-

вела на принца должное впечатление. Он ни на секунду не обманывался тем, что она женщина. Принц хорошо знал, что в иных странах женщины сражаются наравне с мужчинами, — на востоке от Каф обитал один такой народ, и Саид предпочитал видеть его союзником, а не врагом.

Воином была и сидевшая напротив.

— Скажи мне, о мудрейшая, где оступился конь моих благих побуждений? — горестно воззвал он к госпоже Ламмерлэйк.

Декан алхимического помолчала, очевидно подбирая слова.

— Когда жизнь задает мне трудные вопросы, — медленно сказала она, — ответы я ищу в сокровищнице знаний. Магистр Зирак, проводите нашего гостя в библиотеку!

Совет был воистину мудр, и принц поспешил им воспользоваться. Так он очутился во владениях некоего гнома, где и был обнаружен ближе к вечеру близнецами аунд Лиррен.

6

Стоит ли говорить, что об исчезновении Рихтера на время было забыто?

ГЛАВА ВТОРАЯ,

возвращающая читателя в прошлую ночь. В ночи идет дождь, цветет Летний Круг, некая адептка слишком много думает о сделанном накануне выборе, — а между тем Лис из Леса готов раскрыть некоторые тайны

1

Дождь потихоньку заканчивался — хотя теперь-то какая разница? Я все едино вымокла как мышь. Как педальная мышь, если использовать любимую фразочку Полин. Мокро было сверху, мокро было внизу; сапоги чавкали по размякшей земле, а высокая трава, которой порос этот холм, радостно делилась со мной своей долей дождя.

Ночь давно перевалила за середину, и до рассвета оставалось не больше двух часов. Но то ли за это стоило благодарить дождь, а

то ли прогулки по ночному Межинграду столь хорошо влияют на сонных адептов, — спать мне совершенно не хотелось. Голова работала ясно, как никогда в жизни. Я шла следом за Рихтером, за мной почти неслышно ступал волкодлак — тропинка едва угадывалась в траве, и проще было идти по одному, — и сосредоточенно обдумывала все события этой ночи.

Событий было много, ночь выдалась длинная, но все мои мысли по этому поводу прекрасно сводились к короткой фразе: «Мрыс эт веллер!» Женщина, разумеется, по умолчанию не должна находиться в хороших отношениях с логикой, но я все же привыкла, что мои действия можно проанализировать еще и с этой стороны.

Итак, что мы имеем?

Днем, во время экскурсии по ковенской тюрьме, Яльга Ясица самым нахальным образом поперлась непонятно куда. В белый свет как в монеточку, цитируя магистра Зирака. И в голову ей даже, что характерно, не пришло испугаться, остановиться — ну или хотя бы задуматься! Ковенская тюрьма, мрыс дерр гаст! Нет, я, конечно, смелая, но ни один нормальный маг в здравом рассудке не полез бы гулять по тамошним коридорам.

Это будет пункт номер раз.

Пункт номер два шел за мной, ступая след в след. Сигурд из Арры, белый волк, невесть за что заключенный в оную ковенскую тюрьму. То, что он не маг, даже мне понятно. Но что должен был сотворить не-маг, да к тому же подданный Серого Конунгата, чтобы так напугать моих несостоявшихся коллег?

И какой же, спрашивается, надо быть душой, чтобы полезть его освободить, не выяснив предварительно всей необходимой информации?

Самым печальным был пункт номер три — именно на нем и спотыкалась вся логика. Был он обширен, и у него имелось целых два подпункта. Подпункт первый — я прекрасно понимала все вышеизложенное и тем не менее бодро топала по размокшей тропинке. Начнись вчерашний день заново, и я ни на шаг не отступилась бы от своего решения. Потому что... потому что иначе было нельзя! Нельзя, и все. Тогда бы настоящая Яльга погибла, а на свете остался бы какой-то... суррогат. Ходящий, разговаривающий, смеющийся и колдующий. Очень страшный и очень несчастный.

Что со мной такое происходит?!

И был подпункт второй. Ладно я, которая почитай что год прожила в одной комнате с Полин, — кто его знает, вдруг нелогичность передается воздушно-капельным путем? Но Рихтер, логичный и рациональный уже по праву рождения, боевой маг и весьма неплохой эмпат, — он-то ведь услышал тот же зов, что и я!

Сигурд поскользнулся на мокрой траве, но мгновенно восстановил равновесие.

— Мрыс эт веллер! — тихо пробормотал он.

Я увидела, как вздрогнул шедший передо мной Эгмонт, — и вспомнила то звено, которое выпало из моих нынешних рассуждений. Ночь двадцать девятого снежня; сон, что являлся мне каждые четыре года. Там нас тоже было трое. И третьим был именно волкодлак.

Шаткая основа? О да, разумеется. Но магия сама по себе есть материя очень зыбкая. Особенно если иметь в виду нечто большее, нежели графики и чертежи, которые предлагают студентам первого курса.

Тут под ногу мне подвернулся камень, я чуть не упала и прекратила философствовать. Сделано то, что сделано. Я твердо знаю, что иначе поступить невозможно. Кем бы ни был Сигурд, он часть меня. Как и Рихтер, кстати.

Я подумала о волкодлаке, потом подумала еще раз — и в какой-то миг мироздание чуть-чуть провернулось вокруг своей оси. Первыми появились запахи, четкие и яркие, как рисунок тушью на белой эльфийской бумаге. Потом мир раскрылся, будто раковина, впуская меня внутрь. Я шла по земле и твердо знала, что она живая. Мои боги, о которых прежде я задумывалась исключительно в риторическом смысле, вдруг перестали быть отвлеченными категориями: я смотрела на небо и знала не менее твердо, что там, за облаками, меж синей небесной травы, ходит Старый Волк, отец всего живого, и никому не дано укрыться от его взгляда. И еще я ощутила тихую тоску, похожую на боль от почти зажившей раны. Туда, на северо-восток, в город, окруженный деревянной стеной!..

Как давно я там не был...

Это продолжалось не более мгновения. Я выскользнула *оттуда* обратно в себя, и все сделалось прежним. Запахи пропали, зато вернулись цвета. Интересно, почему я не заметила, как они исчезли?

Значит, вот так видят мир волкодлаки...

Мне потребовалось около минуты, чтобы прийти в себя. За это время мы спустились-таки с холма, а тропинка окончательно потерялась среди травы. Эгмонт, однако, шел по-прежнему целенаправленно.

Дождь потихоньку сошел на нет, но над Межинградом все еще погромыхивало. Я поправила сползающую куртку, вспомнила, что у меня в сумке лежит мой собственный плащ, и обозвала себя нехорошим гномийским словом. Но про экскурсии в языкознание Рихтеру было знать совсем необязательно — отдал так отдал, теперь-то что? — и я спросила совсем о другом:

— Магистр Рихтер, а долго нам еще идти?

— Нет, — не оборачиваясь, ответил он. — У вас при себе много талисманов?

Я честно попыталась вспомнить и сосчитать.

— Не очень, а что?

— Ничего. Так сложнее, но...

Я с минуту подождала объяснений, потом поняла, что их не предвидится. Ну и ладно, не слишком-то и хотелось. Я и без того была полна информацией, как стакан — молоком. Да, и есть мне тоже хотелось, не без этого.

Прошло еще минут семь или десять. Мысль о еде, единожды посетив мою голову, категорически не пожелала ее покинуть. Походило на то, что она обосновалась там всерьез и надолго. До ближайшей кормежки, скажем так. Ну что это такое, почти обиделась я, — нормальные люди, сбегая из ковенской тюрьмы, не думают... по крайней мере, не полагается им думать о том, где бы чего сожрать! Думать им полагается о врагах, которым только что прищемили хвост, о друзьях, которые прищемят оную деталь организма кому угодно, и о том, как бы к тебе самому не подступились в недобрый час с прищепкой.

На прищепках хозяйственные гномки вывешивают белье. Во дворе. Во двор выходит дверь — с кухни. А на кухне у хозяйственной гномки (читай: всякой женщины гномского племени) всегда есть какая-нибудь еда...

Я не хочу есть. Совсем не хочу. Совсем-совсем. Ой, это не я...

Мой внутренний монолог начинал принимать несколько угрожающую форму, когда трава вдруг расступилась. Перед нами открылось нечто вроде поляны — огромная площадка, которую я сначала приняла за вытопанную. Присмотревшись же, я хотела было тихонько присвистнуть, но вовремя спохватилась. В этом

месте не стоило свистеть — равно как и издавать все прочие чрезмерно человеческие звуки¹.

Здесь росли цветы. Только цветы, и ничего более. Большой частью они были совсем мелкие, вроде варвакчи или незабудок — только незабудки всегда голубые, а эти были зелеными, яростно-изумрудными, как эльфийский государственный флаг. Но эльфы здесь совершенно ни при чем.

Летний Круг; место, на котором еще недавно танцевали фэйри. Мягко скажем, опасная территория.

— Ага, — удовлетворенно сказал Рихтер. — Я не ошибся. Яльга, не вздумайте сейчас колдовать. Сигурд, у тебя магии нет?

— Нет, — коротко подтвердил оборотень. На Круг он тоже смотрел без особого энтузиазма, и я сделала вывод: элементарные представления об опасности совпадают почти у всех народов. — Только Кольца — место чужое, у нас это любой волчонок знает.

— Я тоже знаю, хоть я и не волчонок. — Эгмонт снял с шеи какой-то талисман на длинной цепочке и, не целясь, зашвырнул его в центр Круга. Тоб беззвучно скрылся под цветами. — Яльга, у вас, если я не ошибаюсь, метки при себе нет?

— А что это такое?

— Значит, нет, — заключил он. — В таком случае отойдите на пару шагов. И ради всех богов, не лезьте под руку.

Я послушалась. Маг тем временем достал из кармана кусочек пергамента; он держал его в правой руке, а левой очень медленно и осторожно выплетал какие-то знаки. На второй минуте я поняла, что он делает, — и почти сразу же на земле слабо засияли контуры телепорта. Зеленые, разумеется; значит, простой, без подвохов. Но почему тогда так медленно? Будто адепт на практикуме...

Еще и со шпаргалкой сверяется.

Эгмонт создавал телепорт как минимум пять минут. Для боевого мага, способного почти мгновенно переместиться за сотни

¹ К человеческим звукам, т. е. присущим исключительно человеку (здесь термин употребляется в широком смысле и противопоставляется термину «фэйри», «существо»), фэйриведение традиционно причисляет смех, плач, свист, сонное дыхание и нецензурную брань. Вопрос спорный, ибо иные фэйри могут и смеяться, и плакать, но опыт показал: ученые, принимавшие эту классификацию близко к сердцу, как-то чаще возвращаются из командировок.

верст, это был невероятно длинный срок. Наконец он сделал завершающий жест и сунул пергамент обратно в карман.

— Заходите, — скомандовал магистр и непонятно добавил: — Мрыс эт веллер...

Нас выбросило из телепорта прямо в воду — на мое счастье, там было неглубоко, а вымокнуть мы и без того успели. Течение, правда, было довольно сильное, но здесь ярко светила луна, и впереди виднелся берег, отлого поднимавшийся над рекой.

— ...келленгарм! — облегченно договорил Рихтер. — Все здесь?

— Все, все, — недовольно откликнулась я, глянув на волкодлака.

Вода казалась черной, но в ней отражался лунный свет. Она медленно струилась мимо меня — чуть дальше и чуть глубже течение наверняка усиливалось. Я вспомнила, как тонула в безымянном озере, из которого меня за косу вытащил Ривендейл, и решительно побрела к берегу. Тонула я тогда недолго, но впечатлений хватило аж до нынешней ночи.

Скоро мы все оказались на берегу. С одежды текло, в сапогах булькало, но к этому мне было не привыкать. Куда интереснее другой вопрос: зачем Рихтеру понадобилось телепортировать нас в реку, если можно было взять несколькими саженями левее?

— На том берегу начинается Слепой треугольник, — пояснил Эгмонт, хотя я не успела задать своего вопроса. Он махнул рукой вперед — не назад, на реку, как сообразила я минутой спустя. На том берегу... но там же суша?

— Это остров, что ли? — первым догадался Сигурд.

— Остров... Идите за мной, и, Яльга, еще раз — без колдовства!

— Да поняла уже... — тихонечко пробормотала я, следуя за Рихтером. Очень тихонечко, потому что магистр, пускай и в бегах, пускай и официально уже совсем не магистр, — все едино фигура серьезная, а нарываться мне не хотелось.

— Я вас слишком хорошо знаю, — спокойно парировал Эгмонт. Слух у него был отличный.

Луна стояла низко, она вот-вот должна была зайти, но если рядом Треугольник, о нормальном ходе времени можно забыть. Равно как и о нормальных телепортах. Мрыс дерр гаст... мозги у меня и верно работали сейчас со скрипом, потому что я не испугалась, даже поняв, *что* имел в виду Эгмонт. Почему он потребовал, чтобы я не лезла ему под руку, когда он строил телепорт у

Круга. И почему нас выбросило из телепорта в воду... спасибо хоть не на глубину.

Могло и вообще не выбросить. Это Треугольник, а не задний двор резиденции Великого Магистра — здешние магические потоки запутаны так, как и не снилось легендарным лабиринтам южных островов. Круг Фэйри тоже искажает телепорт. Зато...

Зато ни один маг не сможет взять следа колдовства, которое было сотворено рядом с Кругом. И уже тем более ни одному магу не придет в голову искать беглецов по соседству со Слепым треугольником. Но надо было быть Рихтером, талантливым, опытным и невероятно, просто нечеловечески занудным, чтобы рискнуть и построить телепорт сюда от Межинграда. Потому что любая мелочь может стать губительной.

При таком раскладе промах на десяток саженей — вполне себе допустимая погрешность...

Мы шли совсем недолго, и я не поднимала взгляда от земли: здесь было темновато и мне совсем не хотелось пропахать местную травку носом. Но в какой-то момент перед нами легла огромная тень; я подняла глаза и увидела впереди небольшой дом. Рихтер уже стоял на крыльце. Я ждала, что он приложит к двери руку, вызовет элементаль или сделает что-нибудь в этом духе, но маг просто вытащил из кармана маленький ключ и вставил его в замок.

Петли скрипнули, но не очень громко. Дверь открывалась наружу.

— Заходите, — сказал маг, убирая ключ в карман.

Мы переглянулись с Сигурдом, и оборотень первым зашел в темный проем. Я шагнула за ним — и тут же отшатнулась, вскинув руки к вискам. Голову пронзило мгновенной болью, так, будто через нее прошла раскаленная игла.

— Яльга... а, мрыс эт веллер!.. — Рихтер, похоже, взялся выполнять за сегодня месячную норму ругательств. Он быстро шагнул внутрь, что-то зашелестело, а когда вышел наружу, в руке у него был засохший венчик, сплетенный из каких-то веток и трав. По темным гроздьям я узнала рябину.

— Теперь можно? — спросила я чуть громче и выше, чем собиралась.

— Прошу прощения, — хмуро ответил он.

В голове все еще звенел отзвук исчезнувшей боли. Я вновь шагнула к порогу, и на этот раз меня ничто не остановило.

Эгмонт зашел последним и закрыл дверь. В коридоре, если это, конечно, был коридор, сразу стало очень темно. Я чувствовала, что и маг, и волкодлак находятся рядом, и слышала запах засохшей рябины, долетавший от клятого венка. Странно вообще-то. Раньше я не реагировала на такие штуки. Боги, да какой же торговец не повесит над входом в лавку парочки амулетов от фэйри? Так что одно из двух: либо эта клятва кое-что во мне изменила, либо — что более вероятно — Рихтер просто поработал над амулетом. Усовершенствовал, так сказать. Так его растак!

Эгмонт что-то произнес, и на потолке один за другим засветились маленькие огоньки. Стало светлее. Я огляделась: это и в самом деле был коридор, совсем короткий, и в каждой из его стен имелось по двери. Маг повесил венок на место — в косяке над входом для этого был вколочен специальный гвоздик.

— Это почти Треугольник, — пожал плечами Рихтер, перехватив мой взгляд. — Здесь нельзя пренебрегать защитой. Сигурд, в ту дверь.

Оборотень открыл «ту дверь», и мы вошли в комнату более пристойного размера — впрочем, просторной ее никто бы не назвал. У стены стоял небольшой квадратный стол, под ним обретаюсь несколько табуреток. Маг указал туда, мы с Сигурдом сели (лично я была только рада возможности куда-то приткнуться), а Рихтер вышел обратно в коридор. Я положила руки на столешницу, опустила на них голову и закрыла глаза.

День был слишком долгим. С чего же он начался?..

Я не заснула, но время как-то сжалось — когда Эгмонт опять зашел в комнату, мне показалось, что он отсутствовал всего лишь несколько секунд. Но на столе появились свечи, передо мной стояла кружка с какой-то темной жидкостью, а маг положил в центр стола небольшой кубик красно-синего цвета.

Сигурд молча посмотрел на кубик, потом перевел взгляд на Эгмонта.

— Это «свидетель», — объяснил Рихтер, доставая из-под стола табуретку. — Его применяют для того, чтобы узнать истину. А я полагаю, что нам всем хотелось бы знать друг о друге правду.

Оборотень чуть прищурился.

— Я понял, — после очень долгого молчания сказал он.

— Вряд ли, — возразил Рихтер. Я посмотрела на него; в его зрачках отражались огоньки свечей. — Я верю твоим словам, и

дело не в этом. Ты невиновен, но КОВЕН просто так никого не сажает. Значит, была причина, не зависящая от твоей воли. И если мы не хотим, чтобы Конунгат вступил в войну с Эллендаром, мы должны выяснить, что это за причина. Понимаешь? Почти наверняка ты знаешь что-то, на что просто не обращаешь внимания.

— И эта штука способна такое уловить?

— Эта штука еще и не на то способна. Она настроена на полтона. Вот сейчас, кстати, и проверим... Яльга! Яльга, вы, надеюсь, еще не спите?

— Нет, — мрачно выговорила я. — Что проверять?

— Солгите что-нибудь — и увидим, какой получится эффект.

Спать мне и правда очень хотелось, мыслей в голове было не так чтобы много, и я не задумываясь ляпнула:

— Я хочу замуж за Генри Ривендейла.

Кубик возмущенно подпрыгнул, налился светом — и ЗАО-РАЛ. Именно так, потому что с меня разом слетел весь сон. Я невольно отпрянула от стола и зажала уши. Кубик меж тем завывал, все наращивая громкость. Рихтер крикнул:

— Теперь правду, и быстрее!

Его голос был едва слышен за усиливающимся воем. Этак нас и в Межинграде услышат!

— Я совсем не хочу замуж за Генри Ривендейла! — поспешно заявила я. — Ну вот ни капельки!

Кубик чуть сбавил обороты, но не замолчал. По стенам метались сине-красные всполохи.

— Слушайте, студентка Ясица, — очень язвительно сказал Эгмонт, накрыв кубик ладонью, — мне совершенно все равно, каковы ваши матримониальные планы, но скажите же правду наконец! Иначе он не успокоится. Лучше бы я сам показал...

Я подумала. Вообще-то последнее утверждение я считала правдой, причем самой что ни на есть чистойшей, и пришлось поскрипеть мозгами, прежде чем я нашла более точную формулировку.

— Хм... Я вообще ни за кого замуж не хочу. Пока. А Генри очень люблю, но как... брата. Друга. Товарища, мрыс дерр гаст!

Оборотничьи ругательства весьма благотворно действуют на хрупкую магическую технику. Кубик заткнулся. Сигурд вдруг рассмеялся, и я, смутившись, опять положила голову на руки.

Замуж, не замуж... Вот спать я хочу — это точно.

— Яльга, похоже, самоустранилась, — прокомментировал это Эгмонт. — Сигурд. Расскажи, как ты попал в ковенскую тюрьму.

2

Эти несколько часов я помню довольно смутно: то неожиданно просыпалась, то вновь проваливалась в сон. Руку я, естественно, отлежала, но уходить не собиралась ни за какие коврижки. Свечи укорачивались, однако огоньки их по-прежнему оставались ровными и заостренными, как копейные острия. Кубик вел себя тихо, только иногда начинал чуть слышно подвывать; Сигурд косился на него с негодующим видом, и тогда Эгмонт задавал вопрос заново, при этом чуть изменив формулировку.

— Так, — сказал Рихтер, когда мгла за окнами уже перестала быть совсем беспросветной. Я как раз проснулась и, поняв, что намечается подытоживание, всеми силами постаралась не задремать. — Теперь поправляй меня, если я буду ошибаться. Тебя арестовали в сорок втором году, возле Сольца. Ничего не объяснили, вещи забрали все, вплоть до меча, несколько раз допрашивали, но объяснять все равно ничего не объясняли. Так?

Сигурд молча кивнул. Я покосилась на кубик — тот молчал как пристукнутый.

— За месяц до того в горах клана Анбург-шэн-аддир ты получил дар земли гномов — некий амулет.

— Не амулет это был, — устало сказал Сигурд. — Их колдун его и так и сяк — ничего выжать не смог. Просто старая вещь от первых времен. Может, кому из наших принадлежала: гномы-то сразу поняли, что работа аррская...

— У вас так ценят старые вещи? — вклинилась я.

Оборотень пожал плечами:

— Всякое в земле находят — и полезное, и так себе... Что не волшебная была штука, то я знаю наверняка — мы хоть и не маги, зато магию очень даже чуем. Но такие вот предметы положено конунгам относить. Конунгу — ему виднее. Мрыс эт веллер ан керворт! Мне ж ведь от тех гномов до Арры было ближе, чем до Сольца. Знал бы, где упал, соломки бы подстелил...

— Оставим конунга, — сказал Эгмонт; не то он уже был знаком с выражением «ан керворт», не то ему хватало классического на-

бора из двух фразеологизмов вкупе с усечениями. — Зачем ты пошел в Лыкоморье, если мог спокойно уйти домой?

Сигурд сначала не понял вопроса, потом изумился:

— А зачем бы я домой пошел, ежели меня в Лыкоморье и послали?

Ага. Это я вовремя проснулась.

Все знали, что оборотни не любят путешествовать. На дорогах нашей весьма обширной родины можно встретить кого угодно — от эльфа-прорицателя до банковского гнома, — но обратней за все двадцать лет я встретила только двух. Второй сейчас сидел передо мной.

— Сигурд, так вы же из своих городов почти не выезжаете! Или это не так?

— Почему же не так? Так... — Оборотень вдруг запнулся и посмотрел на меня внимательнее. — А-а, Яльга, откуда ж вам это знать! Выехать может любой, только недалеко и ненадолго. Потому как ежели дара у тебя нет, вскорости станет тебе очень плохо. Не больно, нет, но жутко одиноко. Тут словами-то и не опишешь, просто слишком. Дома ведь завсегда хорошо... Но иногда, очень-очень редко, родятся те, кто может ездить так далеко и так долго, как это надобно. Это, Яльга, дар, такой же почетный, как любой другой. К примеру, прясть, детей учить, скот лечить или что иное.

— То есть для вас странствовать — это нечто вроде ремесла?

— Нет, — терпеливо сказал оборотень. — Это дар. У каждого есть свой дар, и покуда волчата совсем маленькие, с ними работает всякий лучший в своем деле мастер. Работает и отбирает тех, в ком видит дар, сообразный своему, чтобы после, когда подрастут, смогли заниматься тем, к чему душа лежит.

Я заинтересовалась. Общественное устройство волкодлаков, очевидно, сильно отличалось от нашего.

— А если, допустим, кого определили... ну... скажем, горшки лепить, а он не хочет? Он стихи писать хочет... и прозу. Что тогда?

Сигурд подергал себя за ухо. Видно было, что он находится в полной растерянности.

— Ну, не знаю... — выдавил он наконец. — Что-то такое я слышал, но бывает оно очень редко. Все одно ничем хорошим закончиться не может, коли человек супротив самого же себя пойдет. Да и то такое только по молодости бывает. Как повзрослеет и в ум войдет — сам поймет, что ему хорошо и что худо.

Волкодлак был явно доволен тем, что с блеском вышел из непростой ситуации.

Эгмонт потер воспаленные глаза.

— Да, это так, — подтвердил он. — Я мало знаю об оборотнях, но слышал только об одном случае, когда ваш волкодлак пошел против самого себя. Там все кончилось действительно печально. Противоречить своей сути не просто глупо, но еще и очень опасно... — Он встряхнул головой и помассировал виски. — Так, Сигурд. Тебя послали в Лыкоморье, насколько я понял, в первый раз.

— Да, — сказал оборотень с видом человека, которому надоело повторять одно и то же. — В первый раз. В Солец. Раньше я туда с отцом ездил, теперь поехал один. Я свой талант от отца унаследовал, такое редко бывает... Ну, по дороге с гномами встретился. Этот... дар получил, чтоб его! Приехал в Солец, сделал все как надо. Не в первый же раз! Этот купец — он давно с Конунгатом дело имеет, да и я знал, с которой стороны здесь морда, а с которой — хвост. Подписали договор, пошли к городскому магу. Заходим. Очередь. Дожидаемся в приемной. Маг, он занятый был, но вежливый, этого не отнимешь. «Подождите, — говорит, — минуточку, я одно дельце решу и вернусь». Он и вернуться не успел — дверь распахнулась, а оттуда эти... ковенские. С эмблемами. Человек пять, а может, больше, и у каждого по пульсару. А у меня на ножнах ремешок, да еще и печать поверх шлепнули. В волка перекидываться в одеже — тоже песня долгая. Ну и все... очнулся в камере. Забрали все, только одежу и оставили. Ни меча, ни денег, ни аррского знака, ни этой... штуки гномской. За нее особенно обидно, — мрачно добавил Сигурд. — Я ее сам добыл. В первый раз поехал, а уже такая удача! В город хотел привезти, конунгу отдать...

Кубик молчал и не отвечивал. Оборотень говорил чистейшую правду.

— И что, на этом все и кончилось? — спросила я, пораженная нашей системой судопроизводства. — Ты так три года и просидел?

— Ага, с перерывами. На допросы водили... вежливые такие. То по одному, то парой, то по трое. Один раз привели... — Сигурд усмехнулся, — не знаю, кто это был, но его еще и охраняли. Я сперва подумал — от меня берегут, а потом понял: наоборот, это чтобы он не сбежал. Мы с ним, может, в соседних камерах сидели. Он, кстати, тоже только про штуку спрашивал.

Рихтер насторожился:

— И больше на темную магию упирал?

Оборотень кивнул.

— А как выглядел?

Сигурд немного подумал.

— Странный такой, — осторожно сказал он. — Не поймешь — не то человек, не то эльф. И пахнет странно.

«После ковенской тюрьмы чем только не запахнешь!» — философски подумала я.

— Ну, насчет запаха не знаю, — задумчиво сказал Эгмонт, — но я, кажется, понял, про кого ты говоришь. Не знал, правда, что КОВЕН до него добрался... — Я преисполнилась было к неизвестному магу симпатии (наш человек!), но Рихтер жестко добавил: — И хорошо, что добрался. Сколько веревочке ни виться...

— Предпочту, чтобы наша вилась подольше, — ехидно заметила я. Но Эгмонт не принял шутки:

— Это разные вещи, Яльга. Сейчас не до того, а потом я расскажу, это весьма полезный пример. Ковенцы — те еще перестраховщики, однако есть случаи, в которых сколько ни перестраховывайся — все одно будет мало. Последний вопрос, Сигурд... Как выглядела та штука, которую тебе подарили гномы?

— Думаешь, это из-за нее?

— Пока других вариантов нет.

— Круглая такая блямба. — Оборотень показал, какая именно, соединив большой и указательный пальцы в кружочек. — Золотая, кажется, но тут я не знаток. Тяжелая. На крышке гравировка, эльфийский такой рисунок, а сверху шарик приделан. На него ежели нажать, штука открываться должна, но не открывалась. Механизм, наверное, обветшал. Вот и все.

С минуту мы смотрели друг на друга — учитывая, что нас было трое, взгляды перемещались с одного лица на другое. Потом Эгмонт сгреб кубик и встал.

— Утро вечера мудренее. Давайте спать.

Не знаю что там насчет мудренности — спать действительно хотелось, но спать на голодный желудок в мои планы никак не входило.

— Ты, хозяин, покормил бы нас, — сказала я противным голоском, цитируя читанную давеча книжку Полин. — На голодном пайке держишь, нехорошо это.

От неожиданности Рихтер чуть не выронил кубик. Сигурд тоже уставился на меня странным взглядом, но, надобно отметить, опомнился гораздо быстрее:

— Эгмонт, там справа по коридору у тебя, часом, не кухня?

— Кухня, — мрачно ответил Рихтер, который, похоже, спать хотел гораздо больше, чем есть.

Но нас было все-таки двое, и естественные желания одержали победу над здравым смыслом.

3

За окном вроде как немного посветлело, но на этом дело застыло: никаких признаков рассвета, одна беззвездная муть. Мы договорились выйти в путь к полудню — времени было вполне достаточно, а я в самом деле валилась с ног от усталости.

Стоило мне сомкнуть веки, как я провалилась в сон — черный, ровный и глубокий, без сновидений. Так спят, вымотавшись до последнего предела; спят и день, и сутки, и еще немного, прерываясь исключительно ради естественных надобностей. И отдыха такой сон в первые несколько часов не приносит. Я чувствовала это и пыталась проснуться, но было тяжело, будто сверху меня придавили гранитной плитой.

Но я все-таки вывернулась из-под нее и открыла глаза. В комнате было очень темно — куда темнее, нежели когда я заснула, и потому мне не сразу удалось понять, сколько времени. Неужели я проспала весь день? Да нет, обещали же разбудить на рассвете...

И тут я услышала шаги.

Нет, *услышала* — это, наверное, неправильное слово. Они были настолько мягкими, что услышать их не смог бы самый чуткий эльф-музыкант. Я почувствовала их всем существом, ощутила тот длинный, непередаваемо сладкий миг, когда лапа опускается на землю и все становится единым целым.

Это было как с Сигурдом — я будто соскользнула вниз, на принципиально иной уровень контакта с миром. Именно соскользнула, а не поднялась: я была уверена, что он находится ниже. Он возник раньше, чем появилось зрение, обоняние и слух. И уж тем более раньше, чем первая осознанная мысль.

Но сейчас время шло, а ощущение не исчезало. Я будто раздвоилась, и пока одна моя часть чувствовала *что-то* приближение,

вторая пыталась осмыслить его в привычных человеку понятиях. Так. Кто-то идет. Надо выйти к двери... разбудить Эгмонта?

Нет, никого будить не надо. Вас трое, но это касается исключительно тебя.

Я встала и, как была, босиком, вышла в коридор. Кто-то погрузился в воду, отделяющую большую сушу от маленького острова. Только сейчас я поняла, что он идет со стороны Треугольника.

Подумаем еще раз, пока у нас есть время. Может быть, все-таки стоит разбудить Сигурда или Эгмонта? С другой стороны, что может войти в этот дом? Даже если меня сюда не пропустило...

Он вышел на берег. Встряхнулся. И подошел к крыльцу.

В этот момент я почувствовала единение. Я перестала ощущать себя состоящей из двух частей, но ни одна из них не исчезла. Как бы это объяснить... похоже, если две флейты играют вразнобой. А теперь они заиграли в унисон, и голоса их слились в одно целое.

По крыльцу простучали когти. И я услышала голос — вполне человеческий, хотя не могу поручиться, что он говорил именно на человеческом языке.

— Можно? — вежливо спросили из-за двери.

Типичный вопрос для фэйри, который не может войти, пока его не пригласят. Я глянула на веночек, грозно ошетилившийся рябиной, и ответила вопросом на вопрос:

— Кто там?

Дверь распахнулась. На фоне светлого прямоугольника четко вырисовалась фигура огромного лиса.

Да, это был лис — не лисица, и не спрашивайте меня, откуда я это взяла. Ростом он был с хорошего волкодава, то есть немного меньше Сигурда в его зверином обличье. Шерсть чуть светилась, и по ней пробегали золотые всполохи.

На веночек он не обратил никакого внимания.

Я не испугалась — не знаю почему. Возможно, в тот момент я просто утратила способность испытывать страх, потому что бояться перед его лицом было совершенно естественно. Даже самые храбрые из нас пугаются, глядя на бушующее пламя, ревущий поток или — как вариант — на мирные зеленые долины, простирающиеся там, внизу, на расстоянии тысяч верст от той скалы, на которой вы стоите.

Словом, я не испугалась. Я стояла и смотрела, как Лис, поднявшись на задние лапы, передней закрывает дверь. В этом не было ничего циркового, и смеяться мне почему-то не хотелось.

Хотя... это как посмотреть. «Папа пришел», — билась в голове одна-единственная развеселая мысль. Ага, папа. Родитель-кицунэ с Восточных островов явился выплатить любимой дочке алименты. И от крестьян ушел, вот шельмец... что я там еще Полин рассказывала?

Нечего было байки травить, студентка Ясица. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал великий поэт, солнце лыкоморской словесности...

Лис прошествовал мимо меня, и я едва сообразила прижаться к стене. По моим ногам мазнул роскошный рыжий хвост; Лис безошибочно определил отведенную мне для ночевки комнату, открыл дверь и повернул острую морду.

— Прощу вас, — галантно сказал он.

Помедлив, я прошла мимо него и переступила порог. На какое-то время Лис оказался у меня за спиной, и мне это очень не понравилось. Но я достаточно трезво оценивала свои возможности, чтобы понять: *этому* существу совершенно все равно, которой стороной я к нему стою. Если оно атакует, подобные мелочи не смогут ничего изменить.

Ситуация была довольно глупой: я вновь стояла в той же комнате, которую покинула несколько минут назад. Из щели под окном тянуло сквозняком; я смущенно потерла голую правую ногу босой левой пяткой и полезла обратно на кровать, к теплому одеялу, сбившемуся в уютный беспорядочный комок.

Лис закрыл дверь и оглядел комнату, любопытно подрагивая белесыми усами. Выбор у него был невелик: либо улечься на полу, либо пристроиться на стуле, предварительно скинув оттуда мои вещи. Но он решил проблему куда изящнее — попросту запрыгнул на мою кровать и разлегся на ней, уложив роскошный пушистый хвост между мной и стеной. Я бы сказала, что он лежит у меня в ногах, но по соотношению занимаемого нами пространства получалось, что это я сижу у него в ногах — завернувшись в одеяло и занимая значительно меньшую часть кровати.

Я незаметно потрогала лисий хвост. Шерсть была мягкая, тонкая, и пальцы слегка покалывало, будто по ним пробежали крохотные искры. Она слегка светилась, и силуэт фэйри отчетливо вы-

ступал из предрассветной тьмы. Лис глянул на меня темным круглым глазом. Я поспешно спрятала руку под одеяло.

— Тебе не тесно? — только и спросил он. — А то я подвинуться могу.

Я мотнула головой. Лис немного помолчал. Вблизи было заметно, что среди рыжей шерсти то там то сям мелькает седина. Но Лис не был ни старым, ни — тем паче — дряхлым; он был умудренным жизнью и много чего успел повидать на своем веку.

А еще — он был очень красивым.

Я смотрела на него, а он разглядывал меня — и в его глазах определенно светилось любопытство. Наконец он сказал:

— Мне, наверное, следует представиться.

Я энергично закивала. Чтобы фэйри сам, по доброй воле называл свое имя...

Лис одарил меня далеким от восхищения взглядом.

— Я не фэйри, — чуть надменно произнес он. — И боюсь, что поторопился, ибо ни в одном вашем языке не могу найти звуков, из которых мог бы сложить свое имя. Ты не говоришь по-нашему, маленькая сестра, и нехорошо будет, если ты назовешь мне твое имя, а я промолчу. Так что обойдемся без имен.

— Почему ты так меня назвал?

— Потому что ты — наша. Кое-кто сомневался, но двадцать дней назад ты побывала в моих владениях, а смертным туда ход закрыт. Мне ли этого не знать! Недоверчивые сразу смолкли, ибо у нас лгать не принято. Для того чтобы скрыть правду, существует множество куда более красивых способов...

Я и так поняла, о каких владениях идет речь, но на всякий случай быстренько сосчитала дни. Все сходилось: без малого три недели назад мы вошли в Слепой треугольник.

Все дороги сходятся нам...

— Не все, сестренка, совсем не все... — Лис чуть оскалился, что, вероятно, означало улыбку. — Но сейчас это не суть важно. Ты побывала у меня — я наносу ответный визит тебе. Эта крепостца — форпост смертных у моих границ, так что сейчас мы на нейтральной земле, не твоей и не моей.

В этом домике едва ли насчитывалось пять комнат, но Лис не ошибся, назвав его крепостью. Здесь жил магистр Эгмонт Рихтер, а его присутствие по определению превращало обыкновенный дом в укрепленный.

— Твои родичи, танцующие на холмах, полагают, что вопрос должен оставаться без ответа. Но у меня на этот счет другое мнение. Я пришел сюда, чтобы посмотреть на тебя, и вижу, что ты не знаешь куда больше, чем надлежит. Спрашивай. — Он обвил хвост вокруг лап и повторил: — Спрашивай. Быть может, кое на что я и смогу тебе ответить.

«Кое на что»... Я припомнила, что он говорил насчет сокрытия правды, и поняла: начинается очень сложная игра. Если он не захочет мне отвечать, едва ли я это пойму. Я не знала точно, кто он, но подозревала, что Лис ничуть не хуже фэйри умеет бродить по зеркальному лабиринту, где стены сложены из полуправды, а пол мощен иносказаниями и недомолвками. Что... что я хочу узнать больше всего?

— Что такое Слепой треугольник?

Только услышав собственный голос, я поняла, что спросила не то. Конечно, начинать следовало с вопроса, что за сила стянула нас с Сигурдом и Эгмонтом в единое целое и не разорвется ли когда-нибудь это кольцо. Но я, наверное, не зря училась любопытству у магистра Зирака, и перед моими глазами сама собой встала пыльная библиотечная папка.

Да это же бесценные сведения!

— Хороший вопрос. — В голосе Лиса послышались иронические нотки. — Я перед тобой — вот и ответ!

Я хмыкнула, признавая поражение, но он неожиданно добавил:

— Впрочем, чего от тебя ждать? Та из вас, что дала тебе жизнь, покинула тебя слишком рано; ты воспитывалась смертными; ты слишком юна! Где бы ты научилась задавать вопросы? Ты хочешь услышать обо мне — и ты услышишь. Но это будет долгий рассказ.

Я произвольно глянула за окно. Но там было все так же темно; звездная Росомаха не спешила уступать место рассветному Барсуку¹.

¹ Речь идет о традиционном эльфийском суточном круге. Первороджденные делят сутки на день и ночь, совокупно состоящие из восемнадцати часов. На каждое время суток приходится по девять часов, каждый из которых обозначается своей руной, имеет свое имя и ассоциируется со своим животным, растением, камнем и стороной света. Летом и зимой протяженность светового дня различна, и потому ночные и дневные часы отличаются друг от друга. Эльфийская система не используется за пределами их государств, но широко известна в поэзии и развлекательной литературе.

— Время младше меня, — Лис перехватил мой взгляд, — оно подчинится. Итак, сестренка, слушай и запоминай, ибо более никто тебе этого не повторит. Этой земле много времени — времени, а не лет, веков или тысячелетий. Делить время на отрезки придумали люди, а мы принимаем его как есть. Много времени назад, когда мир не знал ни одного человека, здесь жили птицы, рыбы, насекомые, звери и те, кто создал вселенную, создавая себя. Я назову их Древними Силами, потому что даже для нас они слишком стары.

— Боги? — спросила я и тут же прикусила язык. Вообще он хорошо начал: как в старых летописях, аж с сотворения мира. Мои интересы не простирались так далеко, но спорить с волшебным существом, не боящимся рябины...

Лис насмешливо дернул мордой:

— Нет, деточка, не боги. Боги пришли потом, когда мы... когда Древние Силы разрешили им это сделать. То был важный шаг, и не все соглашались его сделать. Среди нас много упрямцев; мы медленно меняемся и не желаем видеть нового. В этом наша сила и слабость. Споры длились долго, но, когда решение было принято, об этом никто не пожалел. Боги сотворили людей — Старших, я имею в виду. Ты зовешь их эльфами, гномами, волкодлаками, а боги звали своими детьми. Это было неожиданно и интересно. У нас не бывает детей; все мы были сотворены одновременно, а фэйри, твой народ, был и остается нашими братьями по крови и духу. *Младшими* братьями. Они — это мы, точно так же как земля, вода, огонь или воздух. Мы воплощаем в себе больше и большее способны породить. Дети же суть нечто иное; в них не повторяются, а отражаются, как сосна в воде. Боги были разными, разными получились и их дети; мы видим мир таким, каков он есть, а в их глазах он всякий раз получается другим. Мы получили бесконечное множество миров, отраженных в пространстве и времени. Такой игры мы раньше тоже не знали.

Но детям, как мы узнали позже, свойственно шалить и проказничать. Нужны были те, кто мог бы за ними присмотреть. Так были рождены драконы — из сердца мира, из пламени и ветра. Они были сродни и людям, и нам. В каждом воплощалась грань вселенной. И это было удивительно, о, как же это было прекрасно...

Он говорил ровным, едва не монотонным голосом, в котором угадывались даже не эмоции, а лишь намек на них, — но глаза

Лиса светились в темноте как два черных алмаза. Я слушала и вновь ощущала почти мучительное раздвоение. Одна моя часть трепетала, как лист на ветру, и слышала нечто, наполнявшее его слова подобно меду в кувшине. Зато другая — и заглушить ее не мог даже Лис — вся замирала от восторга, представляя маленькую скромную книжку со словами «Записано Я. Ясицей» на обложке. Это как же шагнет вперед магическая наука!..

— Не отвлекайся, — чуть ворчливо сказал Лис. — «Магическая наука»! Ха! Хотел бы я знать, которую часть этого мира познали твои маги! Может быть, одну миллионную? Или того меньше? Они ничего не знают даже о себе самих, даже о собственных смертных шкурках не имеют никакого понятия!

— Продолжай, — попросила я, усилием воли загнав вторую составляющую как можно глубже. Но и там она продолжала поскрипывать мысленным пером, заноса в анналы каждое слово.

Глаза Лиса вновь вспыхнули небывалым светом.

— Это была прекрасная игра! — с чувством сказал он. — Боги и люди разворачивали этот мир — этот старый, изученный вдоль и поперек мир, нами же и созданный, в нас же и существующий! — и мы не могли угадать, какими красками он заиграет дальше. Да, это было весело! До тех пор, пока Те, Кто Стоит Над Нами, не открыли дорогу в наш мир Младшим людям. Приемышам, как их у нас кое-кто зовет. Они были детьми чужого солнца и чужих богов. И они принесли с собой войну.

— Получается, до Нахождения Тверди войн не было? Я слышала, северные эльфийские кланы постоянно враждуют между собой...

— Это другое, — отмахнулся Лис. — Если двое детенышей кусают друг друга в драке, это пойдет им на пользу. Умнее будут. Но с Младшими было не так. Они были не просто чужаками — они пришли туда, где для них места уже не осталось. И еще — они были совершенно другими. Их война была действительно войной, а не детской дракой под ивовым кустом. Раны, что были нанесены, не затянулись до сих пор. И тогда, в то... скажем, смутное время, были нарушены запреты. Кое-кто обвиняет нас, но мы здесь ни при чем. Вина на оборотнях, и до недавнего времени они ее искупали. Именно волкодлаки использовали страшную магию против Младших, у которых магии не было, — и мироздание покачнулось. Мы поняли, что нужно вмешаться, пока еще не поздно. Разделить правых и виноватых было нельзя, и решение

наше было простым. Мы решили уничтожить всех людей, какие есть, и пускай боги создают их заново, если будет на то их воля. Вымерзшие деревья сжигает молния, и на их месте зеленеет новая поросль.

— И что вам помешало это сделать?

— Не что. *Кто*. Вмешались Те, Кто Стоит Над Нами. У них, оказывается, были на вас другие планы. Мы были уверены в своей правоте и не собирались уступать, но силы... силы, сестренка, были неравны. В итоге мы оказались в границе той территории, которую сейчас называют Слепым треугольником. По чистой случайности это были мои земли... Мы не заперты там, о нет! Мы сами ушли в эти пределы. Пускай остальной мир живет так, как считает нужным. Мы покинули его, насколько смогли, хотя нам и горько смотреть на то, как старится наша земля.

В этот миг я вдруг *поняла* то, о чем он говорил. Схватила все, целиком, не разбивая на отдельные понятия; так, когда зажигается яркий свет, в пустой комнате не остается теней. Они и земля соотносятся почти как дух и тело. Они вечны; по природе своей они стоят над материей, но, одушевляя ее, сливаются с ней воедино. До прихода людей мир был единым; после он раскололся на две части. Обе эти части одинаково разбалансированы — в Треугольнике мир *плывет*, чувствуя на себе всю волю Древних, а все остальное медленно остывает, отдавая свое тепло бесконечной ледяной темноте. И это все только из-за того, что тысячу лет назад оборотничьи маги применили против людей волшебное оружие?

— Так было долго — долго по вашим меркам, но и для нас время потекло немного иначе. Мы не вмешивались в то, что происходило *там*, а люди — не смели нарушить наших границ. Игра продолжалась, но она становилась скучна. Прежде мир то и дело обнаруживал новую грань, а теперь, кажется, все уже было найдено. Бесконечность сжалась в точку, море вычерпали горстями. Мир остывал, и некоторые его части остывали особенно быстро. Там появлялись трещины... хотя пока лишь одна из них оказалась достаточно широкой.

— Подождите, но куда смотрят Эти, Которые Стоят Сверху?

— Не «сверху», — терпеливо поправил Лис. — Над Нами.

— Хорошо, Над Вами?

— Нет, радость моя, над *всеми* нами. И над вами в том числе. Видишь ли, они считают, что вы уже достаточно подросли, чтобы суметь справиться с этим самостоятельно.

«Все наставники одинаковы», — подумала я, вспомнив Рихтера и несостоящуюся практику. Забросят тебя не понять куда, а ты потом выкручивайся.

— Мы решили, что этому миру наступает конец, — но мы ошиблись. Игра снова стала интересной. Однажды, совершенно случайно, в поле нашего зрения попало человеческое дитя. Самое интересное, она была из Младших. Удивительно, но она не несла в себе разрушения, которое, как правило, в той или иной степени присутствовало во всех людях. И мы решили: отчего не попробовать и не позволить ей побывать на нашей территории? На территории, где — заметь — мы полные хозяева. Там она находилась всецело в нашей власти.

У меня перехватило дыхание, когда я поняла, какой опасности подвергались Генри, Хельги и Полин. И только потому, что их душу перенесло вместе со мной!

— А остальных-то вы зачем впустили?

— Остальных? — Будь Лис человеком, он приподнял бы бровь. — Каких остальных?

— Ну... Генри, Полин, Хельги... если вам нужна была только я? Лис рассмеялся.

— Это была не ты, — сказал он. — Ты появилась позже. Я говорил сейчас о...

— Мистрис Горане Бранке! — вдруг осенило меня.

— Точно. Это я, кстати, ее нашел! — Тон Лиса сменился на довольный, а я ясно вспомнила отпечаток лисьей лапы на виденном пару недель назад пергаменте.

— Мы впустили ее к себе, и она знала, на что шла. Точно так же мы впустили когда-то богов — и точно так же мы об этом не пожалели. Тебе никогда не случалось думать, что твой народ одарен беднее прочих? Эльфы прекрасны и музыкальны, гномы, как правило, отличные мастера, да вдобавок еще и сильны, волкодлаки перекидываются в зверей, а вы суть всего лишь вы...

Я пожалала плечами. За последние полгода меня с завидным постоянством записывали то в полуэльфки, то в полугномки, а то во внебрачные дочери какого-нибудь вампирского лорда. А что выгляжу не так — известно же, полукровок не бывает!

Словом, комплекс расовой неполноценности — это не ко мне.

— Так вот, могу заверить — у вас есть нечто, отличающее Младших от всех остальных народов. Вы непредсказуемы. Вы заставляете игру идти быстрее. Вы будто накладываете на бытие свой ритм, и ваша жизнь, до смешного короткая, превращается в вечность. Вы можете быть очень интересными... Но дело не в этом. Ради одного человека мы не покинем наших пределов. Игра продолжалась. О Лерикас, золотом драконе из Арры, я рассказывать сейчас не буду, но и она приняла в этой игре немалое участие. Даже драконы меняются со временем, и нынешние — совсем не то же, что былые. Ну а потом появилась ты.

— И чего во мне было такого? — обреченно спросила я. Не сказать чтобы мне не льстила собственная исключительность, но есть силы, внимания которых все же... ладно, проехали. Хочется верить, внимание этих сил не причинит мне вреда.

— Ну, особенного-то в тебе много. — Лис, будто вспомнив, что он Лис, дернул ухом. — Во-первых, ты полукровка, а их всегда было очень мало. Еще в начале игры боги договорились, что дети, рожденные в смешанных браках, должны выбирать какой-то один народ. Да, были случаи, когда человек всю жизнь метался туда-сюда, но таких можно пересчитать по пальцам одной руки. Во-вторых, ты дитя фэйри, существа, для которого люди по определению всего лишь еда. Ты — сбой системы, то, чего не должно быть. Но ты есть, и это тоже весьма любопытно. А в-третьих... — Он сделал паузу, и я замерла, чувствуя, что вот сейчас мне и откроется самое важное. — Тебя, наверное, интересует, что за силы стягивают вас троих в одно? Как может быть, что ты чувствуешь Сигурда, человека другого народа, будто самого себя? И почему вы вместе суть нечто большее, чем просто сумма ваших навыков, умений и способностей?

— Да, — сказала я, потому что здесь нужен был ответ.

— Я не скажу тебе этого, — обыденно сообщил Лис.

Я испытала такое чувство, будто спокойно шла по ровной дороге и неожиданно споткнулась о высокий порог. Узнать о тайнах мироздания, об истории времен, когда и слова «история» еще не придумали, — и остановиться у той двери, открыть которую как раз и хотелось бы больше всего?

— Откроешь, — посулил Лис, одобряюще хлопнув меня по ноге. — Все двери созданы для того, чтобы их открыли, и не мне тебе об этом рассказывать. Скажу лишь одно... приоткрою тебе малую щель. Чем бы вы ни были, вы еще не *оно*. Вы — яйцо, а вы-

лупится из него что-то или нет — знают лишь Те, Кто Стоит Над Нами. Но не думай, что растворишься в вашем единстве. Человеку... да и тебе тоже никогда не понять, что означает быть тем, чем вы станете.

— Ты же говоришь не о божестве? — с нехорошими предчувствиями спросила я. Но Лис только фыркнул:

— Да нет конечно же! Человек не станет богом, и это хорошо. У игры должны быть правила, иначе она превратится в беспорядочную грудку фишек... Запомни еще кое-что. Мы не ведем вас. Мы не направляем вашей воли и не пленяем души. По условиям игры вы всегда свободны в своем выборе, а мы остаемся сторонними наблюдателями. Не бойся нас; опасайся тех, что сродни нам, но не вам, — тех, что просачиваются в щели, проходят в мельчайшие дыры и властвуют над безумием. Однако же помни, — глаза его сияли, и я смотрела в них, не в силах оторвать взгляда, — помни, что они берут обманом и бегут честной схватки! Ты не знаешь своих врагов...

— Расскажи мне о них.

— Я уже рассказал довольно! Тебе пора спать; я замедлил время, но его все равно осталось немного. А мне время вернуться. Если нам всем повезет, мы еще вернемся к этому разговору. Я бы пожелал тебе удачи — да только это то же самое, что рыбу купить... Но я все равно буду держать за тебя кулаки!

Я молчала, пытаюсь понять, в каких словах сообщить об этом визите Сигурду и Эгмонту. Причем желательно так, чтобы они не сочли меня свихнувшейся на нервной почве.

— Никак, — безмятежно заметил Лис. — Мое появление здесь — дань любопытству и необходимости. Само по себе оно уже нарушение правил. Так что твоим друзьям, как и моим, о нем знать совершенно не полагается...

Он подошел к двери, открыл ее и обернулся:

— Да, маленькая, я все хотел сказать... Намекни Эгмонту как специалист по магии Треугольника: на нас рябина действует исключительно возбуждающе. В смысле возбуждает аппетит. Пускай он уберет этот веник, пока к нему еще кто-нибудь в гости не заглянул!

Я кивнула, твердо уверенная, что до утра теперь не засну. А Лис аккуратно прикрыл за собой дверь, не забыв сказать напоследок:

— Провожать меня не надо, дорогу помню и так.

И, едва дверь стукнула о косяк, я провалилась в сон.

Поутру я проснулась удивительно легко, будто всю ночь провела под одеялом. Спать ни капельки не хотелось; я села на кровати и откинула назад растрепанные волосы. Да. Хорошие снятся сны по соседству с Треугольником. Хоть эмпатов сюда посылай — материала для диссертаций на всех хватит...

Я помнила этот сон до мельчайших подробностей, но несколько не сомневалась, что это был именно сон. Все на свете бывает, но Лис размером с Сигурда, называющий меня сестренкой и воплощающий в себе запретный кусок земли, — явный перебор. Спишем все на хорошее воображение, бурно проведенный день и соседство со Слепым треугольником.

Солнце ярко освещало небольшую комнатку. Я встала, оделась, наскоро заплелась и стала прибирать постель. Свернула одеяло и увидела, что на простыне лежат несколько длинных жестких волосков — рыжих с проседью.

На полу валялась полуобгрызенная веточка рябины.

Я не успела сделать из этого никаких фундаментальных выводов — в дверь постучали, и Эгмонт осведомился, может ли он зайти.

— Заходите, магистр, — вежливо пригласила я, быстренько захпывая веточку поглубже под кровать. Кто его знает — вдруг решит, что это я с голодухи грызла его любимое творение под покровом ночи!

Мысль оказалась более чем своевременной. Рихтер, невысказавшийся и очень недовольный жизнью, держал в руках пресловутый веночек — и вид у венка был именно такой, будто его всю ночь кто-то грыз. На волшебных свойствах это отразилось самым непосредственным образом. Я не чувствовала и тени боли.

— Я это увидел, едва проснувшись, — уведомил меня магистр. — Оно стояло на стуле рядом с моей подушкой. Мы с Сигурдом ничего не слышали, но, может быть, вы смогли что-то ощутить?

— Нет, — сказала я, вспомнив прощальные слова Лиса. — Ничего. Но... — Эгмонт смотрел как-то настороженно, я подавила желание зажмуриться и отбарабанила: — Как специалист по магии Треугольника намекаю: на местных фэйри рябина действует исключительно возбуждающе. В смысле возбуждает аппетит. Убери-

те его от греха подальше, а то еще кто-нибудь пожалует... И вообще я есть хочу. Нам же выступать скоро!

Из кухни доносилось деликатное позвякивание. Похоже, Сигурд ревизовал припасы.

5

Мы быстро позавтракали и приступили к сборам. Точнее, к сборам приступил Эгмонт — я следила за ним, наскоро перебирая свои склянки. Как выяснилось, в темноте я прихватила не совсем то, что нужно: три склянки с заживляющими настоями, одна с соком мандрагоры, основой для любого целебного зелья, одна — из запасов Полин — с зельем против перхоти и одна пустая. Она, разумеется, тоже принадлежала моей соседке, потому что только Полин могла сперва купить дорогущие духи, а после хранить пустую склянку, и все только из-за того, что склянка была полосатая: полоска красная, полоска зеленая, полоска белая.

Это могло бы послужить неплохой иллюстрацией к тезису «воровать нехорошо», но сейчас я была неспособна оценить подобные выкрутасы. Ни я, ни Рихтер не были алхимиками, и все готовые зелья ценились на вес золота. Я сердито повертела полосатую баночку, и тут Эгмонт вытащил из ящика большую бутылку какой-то темной настойки.

— Тяжелая... — пробормотал он, глядя на бутылку с тем же недовольным видом, как я — на полосатую склянку. — Перелить бы куда, да тара кончилась...

— Эта подойдет? — обрадованно спросила я.

Рихтер осмотрел баночку и молча кивнул. Из того же ящика он извлек воронку, и через некоторое время полосатая склянка заняла свое законное место.

Таким образом, у нас получалось три сумки: моя, с книгами и зельями, рихтеровская, с зельями, амулетами и мрыс его знает чем еще, и общая, с небольшим запасом еды. Плюс некоторые необходимые в дороге вещи типа спичек, котелка и одеял. Вроде бы вещей было немного, но кучка все равно внушала мне некоторую тоску, когда выяснилось, что Рихтер не просто предусмотрителен, а, можно сказать, маниакально запаслив, как пережившая голод бывалая мышь. Если бы у него нашлась сумка со встроенным пятым измерением, я ничуть бы этому не удивилась. Но у него име-

лось нечто значительно более редкое и дорогое — амулет, позволяющий все без исключения вещи, сколько бы их ни было, переправить в некий магический склад. Получалось, что сколько бы вещей мы ни захватили, нести нужно было только металлический прямоугольник, с обеих сторон покрытый замысловатой чеканкой. Зачем это Эгмонту, путешествовавшему всегда налегке, понять было невозможно, но Рихтер вскользь обмолвился, что ему это подарили, а продавать подарки как-то нехорошо.

Собрав все хозяйственные принадлежности, встрял Сигурд:

— Слышь, Эгмонт, а мы что, так и пойдем без оружия? Вам-то хорошо — вы оба маги, в случае чего заклинаниями обойдетесь, а мне с мечом посподручнее будет!

Надо полагать, Рихтер сообразил, что троица путников, из которых один — безоружный волкодлак, почти наверняка привлечет чье-нибудь пристальное внимание. Вооружив же Сигурда, можно будет этого внимания избежать. В той комнате, где они с оборотнем ночевали, имелась еще одна маленькая дверь — с очень хитрым замком, который, прежде чем открыть, надо было еще найти. За дверью же находился целый оружейный склад. Острога железа там было чуть меньше, нежели в средней оружейной лавке. Зачем это все Рихтеру, оставалось только гадать.

— Выбирай, — широким жестом показал Эгмонт, обращаясь к Сигурду, который застыл перед входом в комнатку, как ребенок — перед конфетной лавкой.

— А... а что можно? — благоговейным шепотом спросил волкодлак.

— Все, — коротко ответил Рихтер.

Я оценила. Насколько я понимаю жизнь, коллекция оружия — для мужчины это святое. Почти как жена или даже больше. Как мы успели выяснить, набора жен у Эгмонта не было, а вот коллекция оружия имелась.

Сигурда, впрочем, это не интересовало. Его вообще ничто не интересовало с той самой минуты, как он, восторженно присвистнув, взял со стойки длинный меч с черным клинком. Он рассматривал его так любовно и вместе с тем придирчиво, что я даже отвела взгляд. Это был интимный процесс, и он не нуждался в зрителях.

— Магистр Рихтер, — поинтересовалась я, — ну просто так, из чистого любопытства: зачем вам этот двуручник?

— Никакой это, Яльга, не двуручник! — тут же откликнулся Сигурд. Он уже раскопал для него ножны и быстро совместил одно с другим. — Полторник это, а я, ежели надо, справлюсь и одной...

— Подарили, — кратко ответил Эгмонт.

Я подождала еще несколько минут и окончательно убедилась, что подробностей не воспоследует. Вообще-то у меня чесался язык узнать, что ему еще подарили: складывалось впечатление, что половину полезных вещей мой наставник получил именно таким путем. Но я же вежливая, да?

И жить мне хочется...

6

Мы покинули этот дом, когда тени были еще довольно длинны. В сарайчике, которого ночью я не заметила, лежала длинная лодка, почему-то пропахшая не сыростью, а яблоками. Она сама переплыла реку и сама отправилась в обратный путь. Эгмонт не колдовал и еще раз запретил это делать мне.

Солнце играло на воде. Я глянула последний раз на островок, потом посмотрела вперед. Перед нами стоял лес, и мрачные синеватые ели вздымали острые макушки к небу.

До Конунгата, если повезет, мы доберемся через три недели.

Если очень, очень повезет.

— Помогите нам Арведуэнн, — прошептал Сигурд, который думал о том же самом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где журчат фонтаны, цветут розы и линяют белкобли.

Здесь ведутся разговоры о высоком, создаются картины и пишутся книги; маги рассуждают о политике, долге и утке по-кафски; а студентке де Трийе ну совершенно все равно, сколько брильянтов готов подарить ей некий кафский принц

1

Магистр Цвирт внимательно оглядел домик: маленький, уютный, с высоким крыльцом и ясными окошками, незамутненными, как взгляд адепта-двоечника на экзамене. Вокруг зеленели акку-

ратно подстриженные кусты, высаженные в строго определенном порядке, кое-где виднелись клумбы, заботливо обложенные речными камушками. На клумбах цвели полосатые розы, розовые бутоны виднелись и на кустах. Слева доносилось тихое умиротворяющее журчание. Ковенец глянул туда: журчал фонтан — подлинное достижение эльфийского искусства. Маг не разобрался в скульптуре, зато отлично помнил лекции по классической литературе Перворожденных и оттого сразу понял, что за сюжет воплощен в камне и бронзе.

На изящно вырубленном куске дикого гранита сидела, подобрав босые ноги, печальная бронзовая дева. Печаль ее можно было объяснить суровым лыкоморским климатом: из одежды на деве имелось одно только короткое платьице, да и то наполовину сползшее с плеча. У ног, в специальной выемке, лежал разбитый кувшин, и из бронзового горлышка неумолчно струилась вода. Бассейн был оформлен как естественный грот, к которому вели три ступени, сделанные из лучшего гномийского мрамора.

Сама легенда была довольно проста. На праздник Весенней Воды некая дева шла от родника и несла полный кувшин. Она поскользнулась на мокрых камнях, кувшин разбился — и дева от горя сама обратилась в камень. Но и в камне была она столь печальна и прекрасна, что боги сжалились над нею. Из презренных осколков чудесным образом забила чистейшая ключевая вода.

Каменной девы с ее безразмерным кувшином никто и в глаза не видел, но легенда о ней входила в «Зеленый круг», иначе «Весеннее кольцо, сплетенное из ивовых ветвей», а если совсем уж просто — в основной цикл эльфийских поэтических преданий. Потому все менестрели наперебой спешили воспеть ее в сонетах, лэ и лирических миниатюрах. Цвирт, который дважды пересдавал экзамен по эльфийской литературе, незамедлительно вспомнил подходящее случаю четверостишие:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

На бронзовых плечах эльфийской прелестницы играли лучи скудеющего света. Все, на что ни падал взгляд, казалось прекрас-

ным, мирным и идиллическим, и Цвирт начинал испытывать вполне обоснованные подозрения. Уж слишком законченной была эта пейзажная картина. Не хватало разве что пчелиного гудения, которое доносилось бы с заднего двора.

Стоило ему лишь подумать об этом, как над головой раздалось гневное жужжание. Над магом возмущенно выплясывала одинокая оса. Цвирт замер. Не то чтобы он боялся ос, просто все, что он о них знал, можно было сформулировать короткой фразой: осы поодиночке не летают.

Словно в ответ на эту мысль из-за кустов вылетело черное гудящее облако. Магистр с тоской покосился на входную дверь, но не двинулся с места. Кто-то держит собак, кто-то ставит защитные заклинания, а кто-то — всего лишь заводит таких вот ос, держа их на надежной магической привязи. Рой, чуть растянувшийся в воздухе, облетел вокруг Цвирта и замер в полной боевой готовности. Маг подавил в себе малодушное желание закрыть глаза.

Вообще-то существовал определенный соблазн отгородиться от них Щитом. Но вот ведь в чем проблема: осы принадлежали учителю и вполне возможно, что они способны преодолеть еще не такую магическую преграду.

Вдруг Цвирт услышал короткий эмпо-призыв. Рой немедленно развернулся и четко, будто полк на параде, удалился восвояси. Только одна, самая подозрительная оса — возможно, та разведчица — прежде чем присоединиться к остальным, повисела напротив Цвирта еще несколько секунд.

Маг облегченно выдохнул.

Когда он поднял глаза, перед ним на дорожке стоял маленький ветхий старичок. Кажется, весь тот песок, которым посыпали дорожки, был обязан своим происхождением именно хозяину дома. Взгляд у старичка был добрым и немного рассеянным, так что Цвирт сам не понял, что именно заставило его выпрямиться, расправить плечи и втянуть живот, даром что живота как такового у него пока еще не было.

Старичок долго щурился на гостя, а после, просияв, всплеснул ручками.

— Поль, мальчик мой! — умилился он. — Вспомнил своего старого учителя? Как тебе мои пчелки?

— Хорошие... пчелки, — с некоторым усилием выговорил Цвирт. Спорить не приходилось — пчелки действительно были достойными.

— А мед какой дают! — бодро вещал старичок. — Не мед — бальзам! От всех болезней помогает, от эльфийских даже. Вот аунд Элдер не даст соврать... да где же он, аунд Элдер? А-а, в доме, я-то и забыл... вот она, старость!

Учитель Тэнгиэль подхватил Цвирта под руку, и тот всерьез напугался, что сейчас его поведут любоваться пасекой, а на пчелок между тем он насмотрелся на много лет вперед. Но учитель нацелился на дом, и это обнадеживало.

Сейчас он сам не понимал, зачем сюда явился. Визит в Академию оказался абсолютно нерезультативным — или результативным, но только со знаком «минус». Магистр Шэнди Дэнн, которую Цвирт тщательно обходил стороной все пять лет обучения, наверняка сделала из разговора с ним собственные выводы. Но если бы дело было в одной только Шэнди Дэнн!.. До определенного момента Цвирт полагал, что страшнее некромантки зверя нет, но он попросту не был еще знаком с белым слоном его новопривывшего кафского величества. Едва скороходы успели объявить о приезде принца Саида, Буковец развил бурную деятельность — раньше Цвирт и не подозревал, что их меланхоличный директор способен на такую скорость. Ковенского эмиссара моментально припрягли к делу, и отказаться было просто невозможно: во-первых, для этого требовалось поймать директора, а Буковец был неуловим; во-вторых, Цвирт понадеялся поймать в этой мутной воде парочку упитанных рыбок. Рыбки не поймались, а работать пришлось много. К полудню ковенец твердо уверился, что вся эта суматоха, столь ловко переключившая внимание с беглого магистра на матримониально озабоченного принца, была не чем иным, как частью коварного рихтеровского плана. Принц, вынырнувший буквально из ниоткуда, внезапно и совершенно не вовремя, не оставлял места для иных объяснений.

Кое-как Цвирту удалось сбежать, но всю последующую ночь ему снились укоризненные глаза белого слона, которому вечером не вымыли ног и не отполировали бивней. Поутру, отогнав кошмарное видение подальше, магистр решил систематизировать полученную информацию. Увы, ее было так мало, что ни о какой системе и речи быть не могло. Собственно, все сводилось к одной фразе: Рихтера нет, не было и не предвидится.

Наскоро связавшись с КОВЕНОм, Цвирт выяснил — волкодлак нигде не объявлялся. По идее следовало написать руководству отчет о проделанной работе, но магистр не без оснований полагал, что подробное описание повадок белого слона едва ли заинтересует Магистра Эллендара. У КОВЕНА до сих пор не было ни единой зацепки. Цвирт долго думал, что теперь делать, и от отчаяния решился на абсолютно нелогичный поступок.

Когда у него что-то не получалось, он всегда шел к учителю. А сейчас разве что-то сильно изменилось? Учитель всегда находил ошибку в вычислениях, даже если ответ совпадал с приведенной в учебнике цифрой... кроме того, учитель отлично знает этого мрыса. В смысле лучшего боевого мага Лыкоморья. Рихтер всегда считался любимым учеником Тэнгиэля — это было очень заметно, ибо учитель всегда действовал по правилу «кого люблю, того и уму-разуму учу».

Конечно, учитель Тэнгиэль сильно постарел, но в целом он остался прежним. Невысокий, бородатый, с длинным носом, вызывающим невольный вопрос, нет ли в семье этого мага гномов, он все так же излучал дружелюбие — и сейчас, и в былые времена Цвирт почти не обманывался на этот счет — и по-прежнему предпочитал обращаться к своим ученикам не иначе как «мой мальчик». В устах любого другого преподавателя это показалось бы глупо, нелепо или слащаво. Но перед Цвиртом был не любой преподаватель. Перед Цвиртом был учитель Тэнгиэль, за годы обучения в Академии выколотивший из адепта Поля Цвирта немало глупостей и пыли.

Если он не знает, где находится Рихтер, значит, этого не знает никто.

Не то чтобы Цвирт сильно хотел встретиться с исчезнувшим магистром Рихтером. Совсем наоборот — он понятия не имел, что станет делать, если обнаружит его сидящим на веранде у учителя и мирно потягивающим чай. Но Цвирту впервые досталось серьезное задание, и провал автоматически означал полный крах всей его последующей карьеры.

Пока Цвирт предавался воспоминаниям, планам и мечтам, учитель Тэнгиэль, цепко придерживая его под локоток (хватка у учителя осталась прежняя, и магистр даже не пытался освободиться), провел гостя по саду, показал — к счастью, издали — семь ульев, на каждом из которых была изображена восьмилучевая норданская звезда, и поднялся на летнюю веранду. Там, в тени

плетеной решетки, стоял деревянный столик, на котором возлежала огромная растрепанная книга — не иначе как сборник заклинаний. Рядом на плетеном же креслице сидел унылого вида ученик в черной просторной хламиде, перехваченной в талии широким ремнем. «Станешь тут унылым!» — подумал Цвирт, которому было жарковато даже в полевой ковенской форме. Помимо хламиды безмянный пока ученик отличился и прической: волосы у него были короткие, но на левом плече лежала тоненькая длинная косичка.

На Цвирта ученик посмотрел с интересом, а на Тэнгиэля — с немой надеждой.

— Ну-с, — бодро сказал учитель, потирая сухие ладони, — и на чем мы остановились?

Ученик тяжело вздохнул.

— Утка по-кафски, учитель, — печально поведал он. — «Взять три части кардамона и одну — мелко перемолотой василисковой чешуи...»

«Чешуя-то здесь зачем?» — ошарашенно подумал Цвирт, но вопросов благоразумно задавать не стал.

— Как ты думаешь, Поль, — немедленно поинтересовался учитель, — для чего в этом рецепте присутствует василискова чешуя?

Поль потупился. Будь Тэнгиэль один, он бы честно сказал, что не знает, но ученик смотрел на старшего собрата с нешуточной надеждой. Ясное дело: если не ответит Цвирт, отвечать придется ему — а он, похоже, отрабатывал здесь летнюю переэкзаменовку.

— Э-э... — осторожно начал Цвирт. — Вероятно, чтобы... это... лучше пропеклось!

Что еще можно делать с уткой, Цвирт попросту не представлял. Не сырой же есть, верно?

Учитель просиял:

— Поль, мальчик мой, ты обрадовал старика! Вот, вот именно!

Он так и лучился радостью, а Цвирт возносил немую мольбу небесам, чтобы его не спросили, с какой целью здесь применяется кардамон. С каждой минутой он все меньше понимал, что происходит, а уж о контроле над ситуацией даже говорить не приходилось.

Тэнгиэль отечески похлопал ученика по плечу.

— Ты, наверно, устал, мой мальчик? — ласково спросил он. — Иди, отдохни... попей чаю. На столе стоит банка с медом.

Ученика явственно передернуло. Очевидно, не только Цвирт сумел оценить местных пчелок.

— А ты, Поль? — Внимание Тэнгиэля переключилось на Цвирта, а его радушию не было конца. — Ты, вероятно, тоже проголодался с дороги? Идем-идем, давно пора обедать! А заодно мой родич покажет тебе свою картину...

Уже почти ничего не соображая, Цвирт позволил учителю отвести себя в дом. Он сам не помнил, как очутился за небольшим столом, накрытым клетчатой скатертью. Учитель бодро потчевал его всем подряд, но в какой-то момент Цвирт вдруг сообразил, что время уходит, и попытался изложить свою проблему. Однако он быстро выяснил, что стоит открыть рот, как на столе перед тобой будто по волшебству появляется новое блюдо — и все надо попробовать, а не то учитель обидится. Цвирт не желал лопнуть прямо здесь и сейчас, и с этим надо было что-то делать.

Арлаутар аунд Элдер, древний до прозрачности эльфа, смотрел мимо него устремленным в вечность взглядом. Цвирт дважды оглянулся, но очень быстро зарекся это делать, потому что учитель всякий раз успевал подложить ему на тарелку добавки. Очевидно, Арлаутар видел что-то свое, недоступное простому взгляду. Не мог же он так пялиться на расшитый петушками рушник!

Молчаливый ученик притащил очередной судочек, и учитель уже потянулся снять крышку. Необходимо было срочно переключить его внимание, и Цвирт, в минуты опасности соображавший очень быстро, поспешно спросил:

— А что это за книга, учитель, — там, на веранде?

Тэнгиэль, почти дотянувшийся до крышки, вновь взмахнул руками:

— О-о, ты всегда был наблюдателен, мой мальчик! Вот если бы к твоей наблюдательности еще и капельку сообразительности!

Это было весьма в его духе. С одной стороны, он хвалил, с другой — подкалывал. Дать ложку меда и капельку яда. Все для твоей пользы, мой мальчик, только для твоей пользы!..

Цвирт поймал себя на мысли, что где-то даже жалеет несчастного Рихтера, который по долгу службы был обязан подолгу общаться с учителем Тэнгиэлем. Наверное, оттого и сбежал.

— Это не просто книга — это наброски труда всей моей жизни! Полный авторский сборник редчайших кулинарных рецептов Лыкоморья и прилегающих стран!.. В юности я желал составить

сборник рецептов со всего мира, но с возрастом стал понимать подлинный масштаб этой проблемы и реально соотносить свои желания и возможности...

Цвирт ожидал услышать о сборнике боевых чар, но все едино почти не удивился. Учитель Тэнгиэль славился своей неординарностью, плавно перетекавшей в абсолютную непредсказуемость, — она была самым страшным его оружием, ибо никто на свете не мог предугадать, что он в следующий момент сделает или скажет. Он мог вывернуть проблему наизнанку и найти решение там, где никакого решения нет и быть не может. Конечно, лучшим боевым магом Лыкоморья считался Эгмонт Рихтер, но только потому, что учитель до сих пор был вне всякой конкуренции.

Мысль о Рихтере помогла вспомнить, ради чего Цвирт, собственно, приехал. Он настороженно посмотрел на Тэнгиэля — вроде у учителя не было под руками ни кастрюльки, ни банки, ни судка — и, откашлявшись, решительно сказал:

— Учитель, все это очень интересно и познавательно, но я пришел сюда не за этим. Мне нужен ваш совет... ваш и почтенного айлэри Арлаутара.

Помянутый айлэри медленно и с достоинством перевел взгляд из вечности в реальность — то есть с рушника на Цвирта.

— Мы слушаем тебя, — негромко произнес он.

«Есть!» — с совершенно неподобающей гордостью подумал магистр. И пока у него имелась такая возможность, обрисовал ситуацию — быстро и четко, короткими фразами, чтобы не утомлять почтенных стариков. Так кратко и емко он не отчитывался даже Магистру Эллендару. Рассказывая, он заново обдумывал проблему, так и сяк прокручивая отдельные ее части.

Из ковенской тюрьмы пропал заключенный — арестованный несколько лет назад волкодлак, который спустился с Драконьего Хребта с опаснейшим амулетом в кармане. Это раз, как говаривал известный герой целой серии лубков Эрастус Неподражаемый. Поблизости обнаружены следы телепорта, выстроенного столь мастерски, что обнаружить точку выхода практически невозможно. Сейчас над этим работают эксперты, но с каждой минутой шансов становится все меньше и меньше. Это два. Заклинание Решетки зарегистрировало, что около полуночи в тюрьму зашли двое: Эгмонт Рихтер и некий незарегистрированный маг. Если верить Решетке, здания они не покидали, но обнаружить их там не смогли даже «гончие». Да и телепорт рядом с тюрьмой соорудил

подозрительно опытный маг. Это три. И, точно всего этого было мало, над тюрьмой витал четкий, удивительно яркий отпечаток ауры одного из Высоких Фэйри.

Это четыре.

А особенную прелесть ситуации придавало то, что полгода назад Рихтеру был передан на хранение другой амулет, принципом действия и степенью опасности весьма схожий с тем, из-за которого был в свое время арестован проклятый волкодлак!

Куда делся Рихтер? Кто его сопровождал? Каким образом они связаны с исчезновением волкодлака и как оно вообще могло произойти? И что, позвольте узнать, забыли здесь Старшие Существа? Цвирт с надеждой смотрел на Тэнгиэля, потому что только он мог разобраться в этом хитросплетении вопросов, которые плавно перетекали друг в друга, огибая даже намеки на возможный ответ.

Учитель сложил ладони домиком и многозначительно посмотрел на Поля через дырочку.

— Ты много выяснил, мой мальчик, — одобрительно сказал он. — В сложившейся ситуации твои действия были достаточно грамотными. Что скажешь, Арлаутар?

— Я согласен, — все так же неспешно отвечивал эльф. — Особенно меня радует установленный контакт с белым слоном.

Цвирт посмотрел на аунд Элдера, подозревая насмешку, но тот был смертельно серьезен.

— Вы смеетесь, айлэри, — почти обреченно сказал магистр.

Арлаутар приподнял тонкие брови.

— Отнюдь, — только и произнес он.

— Но я недоволен, Поль! — вмешался учитель. — Я недоволен, потому что ты снова и снова допускаешь свою старую ошибку. Пройдя весь путь, ты остановился, не сделав последнего шага! Да! Печально видеть, что я, хоть и приучил тебя видеть, не привил тебе способности рассуждать.

— Что вы имеете в виду, учитель? — выдохнул Цвирт.

— Только то, что сказал, — невозмутимо отвечал тот. — Добавлю еще кое-что: ты прав, мой мальчик, и я чувствую, что мой Эгмонт принял в событиях этой ночи немалое участие... Видна его рука. Да. Рука и стиль! А если так, ты быстро найдешь ответы, стоит тебе лишь подумать, кто такой Эгмонт и в чем его суть.

— Но...

Тэнгиэль оборвал его, приподняв руку:

— Я сказал, Поль, и прошел за тебя целых полшага. Остальное ты пройдешь сам. И запомни, что Магистр Эллендар никогда не дал бы тебе поручения, превышающего твои возможности. А теперь иди... или, быть может, ты хочешь взглянуть на картину моего друга и родича? Он ею очень гордится! Великолепное батальное полотно в лучших традициях панорамной эльфийской живописи...

— Нет-нет, — поспешно помотал головой магистр. Эльф загадочно посмотрел на него прозрачными глазами цвета морской воды, и Цвирт быстро устался на скатерть. — Прошу меня простить, о достопочтенный айлэри, но я пока не чувствую в себе... э-э...

— Просветления... — шепнули из-за плеча. Цвирт скосил глаза — ему подсказывал давешний адепт с косичкой.

— Просветления! — ухватился маг за единственную подходящую мысль. — А засим спешу откланяться.

— Погоди, погоди, мой мальчик!

Учитель уже исчез в соседней комнатке. Было слышно, как он подтаскивает к стене табурет, вскарабкивается на него и открывает какие-то дверцы, гремя посудой. Цвирт ждал, переминаясь с ноги на ногу и избегая пересекаться взглядом с айлэри Арлаутаром. Адепту с косичкой он давно уже украдкой показал большой палец.

Наконец Тэнгиэль вернулся в обеденную комнату. Весь сияя, как новенький амулет, он вложил в руку Цвирту крошечный мешочек из красной кожи.

— Чешуя, — заговорщицким шепотом сказал он, предупреждая недоумение магистра. — Василискова чешуя, измельченная в глиняной ступке. Кто знает, Поль, мой мальчик, вдруг тебе захочется приготовить утку по рецептам земли Каф?

2

Зеленый круг погас, и Цвирт вышел из телепорта, прижимая к себе мешочек с толченой василисковой чешуей. Вокруг простирался главный столичный парк; магистр аккуратно перешагнул через невысокий заборчик, которым буквально на днях обнесли

зону для телепортации, и медленно двинулся по посыпанной мелким гравием дорожке.

На круглых клумбах, обложенных крашеным кирпичом, цвели белые розы. Магистр посмотрел на них блуждающим взглядом и неожиданно припомнил, что именно этот сорт носит замысловатое название «Верность меня обязывает». Такие цветы очень любила некая Алехандрина, которая — Поль очень на это надеялся — со временем согласится стать госпожой Цвирт, но сейчас розы ассоциировались у магистра только с учителем Тэнгиэлем.

С вредным эльфом у него ассоциировался белый слон.

Что он узнал? Да ничего, о чем можно было бы написать в докладе, который завтра — уже завтра! — надлежит подавать Совету КОВЕНА! Что случилось? Где волкодлак? Где Рихтер? Кто этот неизвестный маг... Тут Цвирт понял, что мысли его ходят по кругу, и присел на удачно подвернувшуюся скамейку.

Между клумбами носилась туда-сюда маленькая девочка в коричневой тунике. За ней с криком: «Лизабелла! Лизабелла!» — гонялась девочка постарше. Цвирт мрачно наблюдал за резвящимися детьми, чувствуя жгучую зависть к каждому, кому не придется докладывать Эллендару о полном провале доверенной миссии.

Вдруг перед его внутренним взором встало лицо учителя Тэнгиэля, и Цвирт приподнялся со скамейки, чувствуя внезапное озарение.

Суть Эгмонта Рихтера!.. А кто он еще, как не учитель? Будь он в первую очередь боевым магом, зачем ему отказываться от места в Совете? А значит... значит, проблема незарегистрированного мага решается очень просто. Это всего лишь адепт — скорее всего, адепт старшего курса. Чтобы выяснить его личность, необходимо просто поднять все списки!..

Многое осталось непонятным, и особенно магистра смущали Великие Фэйри. Но появился хоть какой-то свет в конце туннеля!.. Цвирт уже соскочил со скамейки, готовый рыть землю носом, как вдруг сообразил, что списки означают Академию, Академия — директора Буковца, а там уж и до белого слона недалеко. Но сейчас ему море было по колено. У клубка загадок, кажется, обнаружился свободный хвост, и Цвирта переполняло желание осторожно за него потянуть. Решившись, он уверенно зашагал туда, откуда только что пришел, — на мраморную плиту, исчерченную телепортационными символами.